

2010 год. Окраина Лондона. Ангар склада «Store-&-Go», где даже воздух кажется дешевым и пыльным.

— Продано! Лот номер четырнадцать уходит Нику. Шесть сотен фунтов! — аукционист хлопнул ладонью по столу, быстро загребая деньги.

Дэн стоял перед открытым боксом, и его лицо медленно приобретало оттенок спелого помидора. Из бокса на него смотрела стена коробок. Всюду бумага: рулоны, папки, старые выпуски газеты «Вестник Окраины» из дремучих семидесятых.

— Ты опять, сукко, макулатуру купил?! — Дэн обернулся к Нику, и его голос сорвался на визг. — Шесть сотен, Ник! Шесть сотен грёбанных фунтов! Ты мне пел, что там «профитное железо», что ты видел там углы от серверов! Где они, блядь?!

Ник, суетливо заглядывая в ближайшую коробку, пытался нащупать хоть что-то тяжелое, но под руку лезли только папки.

— погоди, Дэн... Тут объем! Посмотри, сколько тут всего! Если сдать в переработку...

— В переработку?! — Дэн зашел в бокс и пнул стопку газет. Листы разлетелись веером, поднимая облако удушливой пыли. — Ты купил старую крипипасту за фунты, которых у нас нет! Ты сам всё это будешь выносить, понял?! Сам! У нас аренда за фургон горит, а ты потратил бабло на фанфики какой-то бабки! Что это вообще за «Вестник Окраины»?

Ник выудил из развороченной коробки кожаный блокнот.

— Слышь, ну глянь... Тут прикольно написано. Эвелин Уайт какая-то. Про призраков, про чертовщину... Это сейчас модно, может, на eBay кто заберет как «винтажные страшилки».

— «Винтажные страшилки», ёпта! — Дэн выхватил блокнот, мельком глянул на желтые страницы и швырнул его Нику в грудь. — Там в углу каракули: «Позвонить Рони в 10:30. Встреча назначена». Охренеть, какой саспенс! Всё, Ник, мы миллионеры! Теперь точно заживем! Ты купил телефонную книжку какой-то сумасшедшей за шестьсот фунтов!

— Да ладно тебе, Дэн, смотри — тут пометки рабочие... Она эту тему мусолила лет десять. Тут просто подготовки к статьям. Сходить туда, спросить того. Обычная писанина.

— Да мне насрать, сколько она это мусолила! — Дэн зашагал к выходу, размахивая руками. — Фунты не резиновые, а ты в 2010-м покупаешь бумагу! Выноси это дерьмо, Ник. Чтобы через час тут было чисто. Если я увижу хоть одну страницу этой Эвелин в фургоне — я тебя вместе с ней на помойку выкину. Крипипасту он купил, дебил, блядь... Ник остался стоять один среди гор чужих записей. Он открыл блокнот на той самой странице. 10:30. Встреча назначена. Среди бреда про «шепот в полях» эта сухая заметка выглядела просто как старое, забытое дело.

— Да ладно, — буркнул он себе под нос, прижимая блокнот к куртке. — Посмотрим еще, кто тут дебил.

Спустя три дня Дэн уже не орал — он пребывал в состоянии мрачного анабиоза. Фургон, забитый «Вестником Окраины», стоял во дворе его дома, отравляя воздух запахом прелой целлюлозы. Ник, вопреки всем прогнозам, не вылезал из интернета.

— Слушай, — Ник постучал по экрану старого ноутбука. — Я выставил архив целиком на закрытом форуме для коллекционеров. Просто на удачу.

Дэн, помешивая остывший чай, даже не поднял головы.

— И что? Тебе предложили обменять его на две пачки чипсов и волшебный боб?

— Две с половиной тысячи фунтов, Дэн. Наличными. Забирают всё самовывозом завтра утром.

Дэн замер. Чайная ложка звякнула о край кружки.

— Ты сейчас так шутишь, да? За этот навоз? Кто этот идиот?

— Какой-то коллекционер из Брайтона. Написал сразу в личку. Сказал, цитирую: «Вы даже не понимаете, что нашли. Эвелин Уайт — это же легенда». Она под несколькими псевдонимами печаталась, её фанаты годами ищут полные подшивки. А после семьдесят пятого её не стало слышно. Как отрезало. Это же капсула времени.

Дэн медленно поставил кружку на стол.

— Две с половиной штуки... Без торга?

— Без единого пенса.

На следующее утро у фургона стоял приземистый фургон побольше. Человек в безупречном сером пальто, выглядевший среди их промзоны как инопланетянин, быстро проверял ящики. Его руки в тонких перчатках аккуратно перебирали газеты.

— Вы её не знаете, верно? — спросил он, не оборачиваясь к Нику и Дэну. Его голос был сухим, как страницы «Вестника». — Эвелин была... специфическим автором. У неё был дар находить истории там, где другие видели только пустошь. Очень жаль, что она пропала в семьдесят пятом. Огромная потеря для жанра.

Когда фургон коллекционера скрылся за поворотом, оставив на асфальте только облако сизого дыма, Дэн стоял, сжимая в руке пачку банкнот. Он пересчитал их в четвертый раз, и цифра всё еще была чертовски приятной.

— Нет, ты видел это?! Видел, Ник?! — Дэн внезапно заржал, хлопая себя по бедрам так, что эхо пошло по всей улице. — Он даже не торговался! Я думал, сейчас начнёт нить промятые углы, а этот хлыщ просто вывалил бабки за макулатуру! Сукко, Ник, мы гении! Впарили старые сказки по цене нормальной тачки! Две с половиной штуки за коробки с гнильём!

Дэн снова и снова перебирал пачку, наслаждаясь хрустом.

— «Она была специфическим автором», «у неё был дар», — Дэн передразнил манерный голос покупателя и снова расхохотался. — Да у неё был дар забивать склады барахлом, которое спустя сорок лет озолотило двух четких пацанов! Слышь, ты прикинь, как нам подфартило? Забрать всё без торга! Да я бы за этот хлам и полтинника не дал!

Ник промолчал. Он чувствовал странную тяжесть во внутреннем кармане куртки. Перед тем как грузить коробки, он, сам не зная зачем, вытащил тот самый кожаный блокнот. Тот, где была заметка про Рони и встречу в десять тридцать.

— Ну всё, — Дэн хлопнул напарника по плечу, его настроение взлетело до небес. — Пошли отмечать. С меня пиво и нормальный стейк. За Эвелин Уайт, мать её, самую дорогую сказочницу в истории! Охренеть можно, две с половиной штуки за бумагу! Красота!

Они пошли в сторону ближайшего паба. Ник смеялся вместе с другом, но его рука непроизвольно нащупала жесткий переплет в кармане. Коллекционер забрал всё: черновики, газеты, наработки под псевдонимами. Но он не досчитался одной маленькой детали.

— Ты чего завис? — обернулся Дэн. — Пошли, фунты сами себя не пропьют! Погнали, пока этот мажор в пальто не одумался и не вернулся за деньгами!

— Иду, — отозвался Ник, покрепче прижимая локтем блокнот в кармане.

Ник и Дэн осели в самом углу «Ржавого якоря». Паб гудел, как встревоженный улей, но им было плевать. В воздухе мешались запахи дешёвого табака, пережаренного жира и густой дух победы. Дэн уже приканчивал вторую пинту, то и дело поглядывая на кухню в ожидании своего стейка.

— Слышь, Дэн, — Ник наклонился через стол, стараясь перекрычать гул толпы. — Я тут это... короче, пригрел одну штуку. Блокнот тот кожаный, с пометками, я его в фургон не кинул. Себе оставил.

Дэн даже бровью не повел. Он лениво откинулся на липкую спинку стула и выудил из кармана мятую пачку.

— Да забей ты, кореш, — фыркнул Дэн, чиркая зажигалкой. — Какого лешего нам париться? Мы бабки отбили? Отбили. Фургон окупил? С лихвой. Слили этот хлам какому-то пижону за две с половиной штуки — и концы в воду. Мне теперь вообще до лампочки, чего ты там себе заначил. Хоть спи с этим блокнотом, мне фиолетово.

— Да нет, Дэн, ты не вдупляешь. Тот тип сказал, что она легенда. Псевдонимы, все дела. Может, стоит копнуть? Ну, поискать про этот «Вестник Окраины», разузнать, что за Эвелин такая, почему она...

— Ой, да отвали ты! — Дэн выставил ладонь, обрывая его. — Сдалось тебе это счастье? Мы сорвали легкий куш, Никки. На кой хрен мне сдалось копаться в чужом белье из семидесятых? Это не бизнес, это хрень собачья.

Он жадно затянулся и выпустил облако дыма в потолок.

— Если тебе так приспичило — флаг в руки. Копайся в своих бумажках, ищи хоть самого черта лысого. А я пас. У меня теперь в кармане пачка фунтов и планы на выходные, в которых нет места старым сказкам. Твое здоровье!

Дэн поднял бокал, салютуя Нику. В этот момент официантка принесла их заказ, и Дэн с животным энтузиазмом набросился на еду. Ник кивнул и тоже принялся за ужин. Блокнот просто лежал у него в кармане, пока они обсуждали, куда потратить долю с продажи архива.

Ник вернулся домой только к полуночи. Дэн остался в пабе «добирать» свою порцию триумфа, а Нику в голову лезла всякая чепуха. Он вытащил блокнот, кинул его на кухонный стол и открыл ноутбук.

В 2010-м Google уже возомнил себя всезнайкой, но Ника ждал облом. Он вбил «Вестник Окраины» — и экран залило мусором. Какие-то современные листки объявлений, реклама недвижимости в пригородах и ссылки на краеведческие форумы с нулевой активностью. Никаких «легенд», никаких «псевдонимов». Поисковик выдавал всё что угодно, кроме нужной газеты. Ник попробовал забить название издательства, которое мельком видел на коробках, но и тут мимо — компания ликвидирована в начале восьмидесятых, архивы не оцифрованы.

На одном из форумов старьевщиков он наткнулся на ветку, где кто-то спрашивал про старые подшивки мелких газет. Ответ админа был коротким: «В сети этого нет. Слишком мелкий тираж. Если приперло — дуй в Британскую библиотеку или в газетный архив в Колиндейле. Только там пыль глотать, парень».

Ник захлопнул ноутбук.

— Иди в жопу, — сказал он пустому экрану. — Библиотека... Еще чего не хватало.

Он посмотрел на блокнот. Тот лежал в тусклом свете лампы, пошарпанный и совершенно бесполезный. Ник уже пожалел, что не впихнул его в ту последнюю коробку. Прав был Дэн: макулатура она и есть макулатура.

Он выключил свет и ушел в спальню. Блокнот так и остался лежать на столе в темноте. Ник просто решил, что завтра подумает, стоит ли вообще тратить на это время, или лучше отправить эту «крипипасту» вслед за основным архивом — в мусор.

Утром жадность всё-таки перевесила лень. Ник проснулся с дурацким ощущением, что он зарывает деньги в землю. Если какой-то пижон отвалил две с половиной штуки за газетные вырезки, то личный блокнот автора должен стоять как минимум не меньше. А чтобы его продать, нужно хотя бы понять, чем эта Эвелин была так знаменита.

Через час Ник уже стоял в местной библиотеке, чувствуя себя полным идиотом среди стеллажей с детскими книжками и пособиями по садоводству.

— Чем я могу вам помочь, молодой человек? — к нему подплыла библиотекарша, женщина неопределенного возраста с лицом, которое, казалось, само было сделано из старого пергамента.

Ник замялся, потирая шею.

— Да я тут... это... ищу одну газету. «Вестник Окраины». Семьдесят четвертый — семьдесят пятый годы.

Библиотекарша посмотрела на него так, будто он попросил у неё чертежи атомной бомбы. Она медленно поправила очки на цепочке и уставилась в монитор древнего компьютера, который загружался, кажется, еще с прошлого века.

— «Вестник Окраины»... — проскрипела она, тыкая одним пальцем по клавишам. — Такого издания в нашей базе нет. Это был национальный таблоид?

— Да какой там таблоид, — буркнул Ник. — Местная листовка, судя по всему. Восточная Британия, вроде как.

— Молодой человек, вы понимаете, сколько в те годы было таких «листовок»? В каждом графстве по десять штук. Если их не оцифровали, то искать их здесь — всё равно что ловить рыбу в унитазе.

Ник не сдавался. Он вытащил блокнот и показал его женщине, стараясь не совать его ей под самый нос.

— Вот, автор — Эвелин Уайт. Она там работала. Мне сказали, она была легендой жанра. Библиотекарша прищурилась, глядя на пошарпанную кожу переплета, а потом снова на Ника. В её глазах читалось явное сомнение в его умственных способностях.

— Эвелин Уайт? Впервые слышу. Если она была такой «легендой», то почему её нет в справочнике современной литературы?

— Так она в семьдесят пятом писать перестала! — Ник уже начал закипать. — Мне нужно просто найти хоть один выпуск этой газеты. Ну должно же у вас быть хоть что-то! Вы же библиотека, в конце концов!

— Мы районная библиотека, а не архив национальной памяти, — отрезала она. — Всё, что я могу для вас сделать — это отправить запрос в центральное хранилище. Ответ придет через две недели. Или... — она сделала паузу, глядя на его недовольную физиономию, — вы можете съездить в Колиндейл. Там находится газетный фонд Британской библиотеки. Если этого «Вестника» нет там, значит, его не существует в природе.

Ник выдохнул, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

— Ладно, спасибо и на этом.

Он развернулся и зашагал к выходу, слыша за спиной, как библиотекарша негромко пробормотала кому-то из коллег:

— Ходят тут всякие, ищут макулатуру... Совсем у молодежи крыша поехала на этих своих ужасиках.

Ник вышел на улицу, щурясь от яркого солнца. «Вестника» нет в базе, библиотекарша ни черта не знает, а блокнот в кармане продолжал жечь бедро. Теперь это уже был вопрос принципа.

— Ну Рони, ну Эвелин... — пробормотал он, садясь в машину. — Найду я вашу газетенку, даже если придется весь этот Колиндейл по кирпичу разобрать.

Он завел мотор и поехал в сторону дома, прикидывая, как бы помягче объяснить Дэну, что он собирается потратить завтрашний день на поездку в архив вместо того, чтобы пойти в паб.

В Колиндейле пахло вековой пылью и тишиной, от которой закладывало уши. Местный клерк, тощий парень в роговых очках, не стал строить из себя важную персону — он просто кивнул и профессионально закопался в картотеку.

— «Вестник Окраины»? — парень поправил очки. — Да, была такая. Издавалась в Эссексе, крошечный тираж. Большую часть времени они печатали объявления о продаже коров и расписание церковных праздников, но держались на плаву за счет мистических рассказов и всяких странных расследований. Обанкротились в восемьдесят первом. Через десять минут Ник уже сидел перед аппаратом для чтения микрофильмов. В темноте зала экран светился мертвенно-белым светом. Он крутил ручку, и перед глазами мелькали черные полосы, размытые заголовки и зернистые фотографии.

Эвелин Уайт оказалась местной звездой с пулей в голове. Она вела целую рубрику «Тайная сторона», где параноидальные байки про чертей в полях мешались с сухими репортажами. Видимо, редакция давала ей полную свободу, лишь бы газету покупали. И её покупали — Ник видел, как от номера к номеру её колонки становились всё длиннее, вытесняя объявления о ярмарках. Она писала про странные огни на заброшенных фермах, про сигналы в радиозфире и тут же давала сводки из полицейских участков.

— Ого, — пробормотал Ник, вчитываясь в один из текстов за семьдесят четвертый год. — Да она тут настоящий сериал устроила.

Справочник подтвердил сухие факты: газета не закрывалась из-за скандалов. Она просто медленно тонула вместе со всей мелкой прессой того времени. В начале восьмидесятых финансирование обрезали, рекламодатели ушли к крупным игрокам, и в восемьдесят первом «Вестник Окраины» просто выставил табличку «банкрот». Активы ушли с молотка, а архивы, которые никто не захотел забирать, отправились гнить на склады — вроде того, где они с Дэном и нашли этот лот.

Эвелин просто была частью этого тонущего корабля. Обычный автор, который писал странные вещи, пока за это платили. Когда газета загнулась, она, видимо, просто исчезла из профессии.

Ник откинулся на спинку стула. В 2010-м году такая газета была настоящим ископаемым. Понятно теперь, почему тот тип из Брайтона так вцепился в коробки — найти полный

архив мистических расследований забытого автора было всё равно что найти сундук с сокровищами.

Ник посмотрел на блокнот, лежащий рядом с аппаратом. Для всех остальных Эвелин Уайт была просто строчкой в справочнике обанкротившихся газет и автором старой крипипасты. Обычная журналистка, которая писала про призраков и канула в небытие вместе со своей конторой.

Ник сдал микрофильмы и вышел на свежий воздух. В голове крутилась мысль, что Дэн прав — это всё макулатура. Но почему-то эта макулатура стоила две с половиной тысячи фунтов, и Нику чертовски хотелось узнать, не продешевили ли они. Записи в блокноте, которые он заначил, явно отличались от того, что шло в печать, и теперь это была единственная зацепка, чтобы понять реальную цену этого «мусора».

Здание Британской ассоциации писателей встретило Ника запахом дорогого паркета и осознанием собственной неуместности. Он поправил куртку, пытаясь прикрыть засаленный воротник, и подошел к стойке, за которой сидела женщина с такой прической, будто она была замужем за самой королевой.

— Добрый день, — Ник постарался выдать самый интеллигентный голос, на который был способен. — Я по поводу наследия Эвелин Уайт. Занимаюсь оценкой рукописей для частного архива. Хотел уточнить статус её членства и, если возможно, контактные данные для верификации подлинности.

Женщина посмотрела на него поверх очков. В её взгляде читалось: «Ты, парень, скорее оценишь стоимость лома, чем рукопись».

— Оценка? — сухо переспросила она. — У нас не справочное бюро, молодой человек. Тем более, мисс Уайт... это имя давно не всплывало.

— Именно поэтому мне и нужно подтверждение, — Ник не сдавался, стараясь не выдать, что блокнот в кармане весит сейчас как слиток золота. — Понимаете, всплыли некоторые документы, нужно понять, что это за автор и чего она стоит. Не хотелось бы выкинуть на помойку то, что может оказаться... ценным.

Слово «ценным» сработало. Она нехотя развернулась к компьютеру, а потом, вздохнув, поднялась и ушла в сторону стеллажей с архивными папками. Ник стоял, рассматривая портреты каких-то бородатых классиков на стенах, и чувствовал себя так, будто он залез в чужой сад за яблоками.

Минут через десять она вернулась, неся в руках тонкую картонную папку.

— Странно, — пробормотала она, листая пожелтевшие листы. — Все наши справочники говорят, что она перестала печататься в семьдесят пятом. Коллекционеры обычно ориентируются на эту дату. Но здесь...

Она выудила из папки машинописный лист с неровными краями.

— Вот, заявление об уходе из Ассоциации и добровольном отказе от авторских отчислений. Датировано четырнадцатым ноября 1974 года.

Ник нахмурился, вглядываясь в корявую подпись внизу страницы.

— Семьдесят четвертый? Но коллекционер говорил про семьдесят пятый... и в библиотеке подтвердили.

— Газета, где она работала, закрылась только в начале восьмидесятых, — женщина пожала плечами. — Но от нас она ушла гораздо раньше. Сама. Написала, что

«профессиональная деятельность более не имеет смысла ввиду изменения... контекста реальности». Очень странная формулировка.

Ник сглотнул. «Изменение контекста реальности» — это уже не пахло обычным увольнением. Это пахло тем самым бредом из блокнота.

— А адрес? — быстро спросил он. — Где она жила на тот момент?

Библиотекарша снова зашуршала бумагами.

— Эссекс, деревня Олд-Милл. «Дом у ручья», почтовый индекс... — она продиктовала цифры, и Ник быстро записал их на клочке газеты.

— Послушайте, — она вдруг внимательно на него посмотрела. — Если у вас действительно её рукописи... зачем они вам? Вы же не литературовед.

— Я просто не люблю продешевить, — честно ответил Ник, забирая бумажку. — И, кажется, семьдесят пятый год был для неё только концом карьеры, а вот что началось в семьдесят четвертом — это мне и предстоит выяснить.

Выходя на улицу, Ник уже не чувствовал себя идиотом. Он чувствовал, что Дэн, со своими двумя с половиной тысячами фунтов, только что стал самым крупным неудачником в Лондоне. Потому что если Эвелин Уайт бросила всё за много лет до закрытия газеты, значит, в том блокноте была не крипипаста. Там был план побега.

Деревня Олд-Милл оказалась ровно такой, какой Ник её и представлял: три тупиковых улицы, заросший пруд и дома, которые помнили еще королеву Викторию. «Дом у ручья» стоял на самом отшибе, наполовину скрытый плакучими ивами. Краска на заборе давно облупилась, но сад выглядел ухоженным.

Ник заглушил мотор, поправил куртку и зашагал к крыльцу. Сердце колотилось где-то в горле. Он всё еще не знал, что скажет, если дверь откроет сама Эвелин Уайт — старуха с безумным взглядом и пачкой новых страшилок.

Дверь открылась через минуту после звонка. На пороге стояла женщина лет сорока пяти в простом домашнем свитере. Она доброжелательно улыбнулась, разглядывая гостя.

— Добрый день, — Ник замялся, чувствуя себя свидетелем Иеговы. — Я ищу Эвелин Уайт. Она здесь проживает?

Женщина на секунду задумалась, её взгляд стал немного грустным.

— Здесь, точнее... это её дом. А вы по какому вопросу?

— Меня зовут Ник. Я по поводу её старых работ. Всплыли некоторые материалы, рукописи, блокноты времён её работы в газете. Я бы хотел поговорить с ней, если это возможно.

Женщина понимающе кивнула и обернулась в сторону гостиной:

— Гарольд! Тут к нам зашли узнать о твоей матери. Говорят, что-то из её старых записей нашли!

Через пару секунд в прихожую вышел крепкий мужчина с открытым лицом и короткими волосами. Он вытирал руки полотенцем и выглядел как человек, который только что занимался чем-то полезным по хозяйству. На его лице играла легкая, почти приветливая полуулыбка.

— Привет! — Гарольд протянул руку для рукопожатия. — Вы сказали — рукописи?

Неужели кто-то еще помнит, что мама чернилами бумагу марала?

— Да, — Ник пожал руку, сразу расслабившись. — Мы с напарником выкупили лот на складе в Лондоне. Там был архив «Вестника Окраины». Среди бумаг нашлись личные вещи мисс Уайт. Блокноты, черновики. Я хотел бы передать их ей.

Гарольд вздохнул и чуть заметно качнул головой.

— Доброе дело, спасибо. Но лично в руки не выйдет. Мама умерла несколько лет назад. Болела под конец, но ушла тихо.

Ник застыл. Энтузиазм, который гнал его в Эссекс, мгновенно сдулся. Главный свидетель «изменения контекста реальности» был недоступен.

— Мне жаль, — искренне буркнул Ник. — Я не знал.

— Да ладно, откуда вам знать, — Гарольд махнул рукой, приглашая Ника войти. — Она давно все связи с журналистикой оборвала. «Вестник Окраины»... Господи, это же было в другой жизни. Мы знали, что она там работала, но она всегда отшучивалась, мол, писала про коров и заблудившихся туристов. Называла это «сбором макулатуры для пенсии».

— Ну, судя по тому, сколько за эту макулатуру сейчас предлагают коллекционеры, ваша мать была куда популярнее, чем вы думаете, — хмыкнул Ник. — Но меня зацепил один конкретный блокнот. Записи за семьдесят четвертый год. Про какого-то Рони и встречу в десять тридцать.

Гарольд нахмурился, задумчиво перебирая полотенце в руках.

— Рони? Нет, это имя мне ни о чем не говорит. Но знаете... — он облокотился о дверной косяк. — Я помню, что в семьдесят третьем, мне тогда лет десять было, врать не буду, но где-то так — мать как-то резко изменилась. До этого она всегда была такой фантазёркой, сказки нам рассказывала, вечно что-то строчила. А тут вдруг стала молчаливой, закрытой. Почти полгода ходила как неживая, иногда дёргалась от каждого шороха. Я тогда не понимал почему, да и сейчас не знаю. Отец всё пытался её растормошить, выпросить, что случилось, но у него ничего не получалось.

Гарольд сделал приглашающий жест в сторону кухни.

— Потом она как-то успокоилась, но из газеты ушла. Отец мне это позже рассказывал, когда мне уже лет пятнадцать стукнуло. Она просто завязала с текстами, занялась архитектурой книг — оформлением, чертежами какими-то техническими, но сама больше не написала ни строчки. Словно отрезало. Проходите, Ник, ставлю чайник. Раз уж вы этот блокнот нашли, может, вместе поймём, что её тогда так приложило.

Ник прошел на кухню, и следующие полчаса прошли за чаем и неспешным перелистыванием того самого блокнота. Гарольд и его жена с улыбкой рассматривали пожелтевшие страницы. Ничего сенсационного там больше не обнаружилось: рецепты пирогов, списки покупок, наброски каких-то сказочных существ и те самые рабочие пометки, которые теперь казались просто милой семейной реликвией.

— Да уж, — Гарольд усмехнулся, ткнув пальцем в рисунок чешуйчатого кота на полях. — Мама всегда была той еще выдумщицей. Помню, она мне про таких перед сном рассказывала. Мы-то думали, она просто сказки сочиняет, а она их, оказывается, в рабочие блокноты заносила.

Ник слушал этот добрый смех и чувствовал, как внутри окончательно гаснет азарт охотника за сокровищами. Никаких шифров, никаких тайных заговоров. Просто жизнь женщины, которая когда-то любила фантазировать.

— Знаете, Гарольд, — Ник придвинул блокнот к нему. — Оставьте его себе. Как память. Для меня это был просто профессиональный интерес, но теперь я вижу, что вещь должна остаться в семье. Для меня он, честно говоря, бесполезен.

Гарольд удивленно поднял глаза.

— Серьезно? Вы же проделали такой путь.

— Зато я убедился, что не выкинул что-то действительно важное, — Ник встал и поправил куртку. — Теперь совесть чиста.

— Слушайте, Ник, — Гарольд тоже поднялся, его голос стал бодрее. — Раз уж вы такой порядочный малый, заглядывайте к нам на выходных. Мы тут барбекю устроим, по-простому. К нам как раз дядя Ричард заедет — он с мамой в той самой газете работал, они со времен «Вестника» дружат. Он своих внуков привезет, у нас тут всегда шумно, когда они собираются. Риччи — старый ворчун, но память у него как у слона. Может, он вам про те времена и про это ваше «изменение реальности» что-нибудь расскажет поинтереснее.

Ник на секунду задумался. Пинта пива и рассказы старого журналиста в нормальной компании звучали куда лучше, чем очередная перепалка с Дэном в пабе.

— Знаете что? Я приеду, — Ник улыбнулся и кивнул. — Спасибо за приглашение.

— Вот и договорились! — Гарольд хлопнул его по плечу. — В субботу к двум ждем. Блокнот я Ричарду покажу, он точно оценит. До встречи!

До субботы время для Ника тянулось серой жвачкой. Он вернулся к привычной рутине: возился с заказами, перебирал какое-то старое железо и выслушивал ворчание Дэна, который уже вовсю тратил свою долю и считал, что Ник зря тратит бензин на поездки в Эссекс. Работа в гараже помогала не думать о «контексте реальности», но блокнот, хоть и оставленный у Гарольда, всё равно всплывал в памяти при каждой затяжке сигареты. В субботу Ник приехал к двум, как и договаривались. У «Дома у ручья» уже пахло дымом от углей и жареным мясом. Гарольд встретил его с щипцами для гриля в одной руке и банкой холодного пива в другой.

— О, Ник! Проходи, присаживайся. Ричард чуть задерживается — внуки, сам понимаешь, пока всех погрузишь, пока доедешь... Скоро будет.

Они устроились в плетеных креслах в тени ив. Разговор сам собой вернулся к Эвелин.

— Знаешь, я тут на неделе вспоминал, — Гарольд отхлебнул пива. — Мы ведь с женой когда этот блокнот открыли, еще раз удивились. Мама ведь была очень педантичной в плане бумаг. Она когда уходила в архитектуру, всё свое литературное прошлое буквально под нож пустила. В завещании было четко прописано: все законченные рукописи, авторские права и архивы передать в Литературный фонд.

Ник удивленно поднял бровь.

— Всё до последнего листка?

— Именно. Она говорила, что это «профессиональное имущество», которое не должно пылиться дома. Мы-то думали, что всё, что она хотела оставить семье — это пара детских сказок, которые она нам читала. А всё остальное... ну, мы и считали, что оно в фонде. Поэтому, когда ты пришел с этим архивом «Вестника», у меня пазл не складывался. Мать всё отправила государству, а в итоге оно оказалось в каком-то контейнере на складе Store-&-Go.

— Похоже, в этом фонде те еще раздолбаи работают, — хмыкнул Ник. — Сгрузили всё на хранение, забыли оплатить аренду, и вот результат — ваши семейные тайны уходят с молотка за шестьсот фунтов.

— Скорее всего, — согласился Гарольд. — Она-то думала, что передает это в надежные руки, в историю литературы, так сказать. А по факту — отправила в мусорку, из которой вы её выудили. Хорошо хоть этот блокнот у неё в ящике завалялся, видать, рука не поднялась отдать.

В этот момент со стороны дороги послышался шум мотора и детский смех. К дому подкатил старенький, но отполированный до блеска «Ягуар».

— А вот и наш старик, — Гарольд поднялся, махая рукой. — Сейчас начнется самое интересное. Ричард если начнет вспоминать редакцию — его до ночи не заткнешь.

Из машины вышел сухощавый мужчина в светлом пиджаке, с копной седых волос и живыми, смеющимися глазами. За ним из салона высыпала пара сорванцов, которые тут же умчались вглубь сада. Ричард не спеша подошел к крыльцу, опираясь на трость, и внимательно посмотрел на Ника.

— Так вот он, тот самый парень, который копается в старых костях «Вестника»? — голос у Ричарда был густой и приятный. — Ну привет, сынок. Надеюсь, ты привез с собой не только макулатуру, но и хороший аппетит, потому что я намерен сегодня много говорить и много есть.

Ричард откинулся на спинку кресла, глядя куда-то сквозь сад, в те времена, когда бумага была желтее, а новости — страннее.

— Она ведь не просто писала, понимаешь? — Ричард покрутил в воздухе пустой стакан.

— Эви чувствовала ритм окраин. В семьдесят третьем она была на пике. Мы её в редакции звали «наш личный радар». Она могла зайти в паб, перекинуться парой фраз с фермером, и через час у неё на столе лежал текст, от которого у читателей волосы на затылке шевелились. И ведь никакой выдумки — чистые факты, просто поданные под таким углом, что реальность начинала казаться тонкой, как папиросная бумага.

Он усмехнулся, вспоминая детали.

— Она была душой любой посиделки. Громкий смех, вечные споры с метранпажем из-за шрифтов, окурки в чайных чашках. Дьявольская печатная машинка, точно тебе говорю. Она выдавала по три колонки в день, и каждая была как выстрел. Мы тогда думали, что она метит в национальные таблоиды, в Лондон. С её талантом она могла бы «Таймс» с потрохами сожрать.

Ричард вдруг замолчал, и его веселое лицо как-то сразу осунулось, став сухим и серьезным.

— А потом наступил ноябрь семьдесят третьего. Тот самый «перелом». Это не было постепенным угасанием, Ник. Это было так, будто кто-то подошел к этой искрящей машине и просто выдернул вилку из розетки. В один день она пришла на работу... и это была уже не Эви. Тихая, бледная, смотрит в одну точку. Печатная машинка замолчала. За неделю она не выдала ни строчки, а когда я зашел к ней спросить, в чем дело, она посмотрела на меня так, будто я был призраком, а не она.

Гарольд, слушавший старика, кивнул, подтверждая свои детские воспоминания.

— Да, — тихо добавил Гарольд. — Именно тогда она начала дергаться от телефонных звонков. Отец говорил, она даже шторы в гостиной перестала открывать. Мы думали — депрессия, творческий кризис. Но Ричард прав, это случилось буквально за одну ночь. Что-то она там увидела на своих «окраинах», что-то, о чем в газетах не напишешь.

Ричард сделал еще один глоток, его взгляд стал задумчивым.

— Знаешь, — продолжил он, — я, пожалуй, преувеличил про «дергалась». Это было бы слишком просто. На самом деле всё выглядело куда страннее. Она просто... выключилась как автор. Дьявольская машинка не сломалась, она начала выдавать сухой, стерильный продукт. Эви, которая раньше из обычного тумана могла сотворить готическую сагу, вдруг начала печатать обычные сводки новостей. Ровно, скучно, без единой искры. Будто её подменили на робота.

Он покачал головой, вспоминая тот день в семьдесят четвертом, когда всё закончилось окончательно.

— Увольнение её — это вообще отдельная история, которая до сих пор у меня в голове не укладывается. Наш директор тогда ушел на обед, в редакции было пустовато. Эви зашла, положила заявление на стол — сухо, официально. Но самое дикое случилось потом. У нас там крутился один новичок, малец совсем, только-только пороги начал обивать. И Эви, уходя, подошла к нему и просто, как связку ключей, отдала ему все свои старые псевдонимы.

Гарольд присвистнул, а Ник подался вперед.

— Ты не понимаешь, парень, — Ричард посмотрел на Ника. — В те годы за псевдонимы, под которыми газета наполнялась, настоящие войны шли. Это же репутация, имя, наработанная аудитория. Это был актив, который берегли пуще кошелька. А она просто выложила список своих имен этому пацану и сказала: «Теперь это твоё. Пользуйся». Старик замолчал, подбирая слова.

— Это было совершенно вне логики. В писательских кругах того времени такой жест выглядел как безумие или высшее проявление презрения к собственной работе. Она не просто уходила, она избавлялась от всего, что связывало её с «Вестником». Словно передавала эстафету в игре, в которую ей больше не разрешали играть. Новичок тот стоял с открытым ртом, а она просто развернулась и вышла. Больше мы её в редакции не видели.

— Это был настоящий сюрприз для всех нас, — Ричард покачал головой, вспоминая детали того дня. — Она ведь не просто отдала новичку список имен. Эви вывалила перед ним целую папку своих наработок: незаконченные сюжеты, черновики, зацепки. Всё, над чем она трудилась годами.

Он сделал паузу, подчеркивая значимость момента.

— Но было одно жесткое условие. Она буквально вцепилась в этого парня взглядом и отчеканила: «Пользуйся всем. Бери мои сюжеты, носи мои псевдонимы как свои собственные, делай с ними что хочешь. Но моё настоящее имя — Эвелин Уайт — больше никогда не должно появиться на страницах этой газеты. Даже в качестве подписи к самой мелкой заметке».

Ричард усмехнулся, глядя на Ника.

— Понимаешь, в чем соль? Она разрешила ему стать «ей» для читателей, но саму себя вычеркнула из уравнения полностью. В наших кругах тогда это было за гранью понимания. Псевдоним — это же щит, а она отдала и щит, и меч, и саму возможность вернуться. Это не было похоже на обычное увольнение по собственному желанию. Это выглядело так, будто она заметала следы, стирала саму память о том, что Эвелин Уайт когда-либо держала в руках ручку.

Гарольд задумчиво вертел в руках пустой стакан.

— Получается, она не просто ушла из архитектуры смыслов в обычную архитектуру, — пробормотал он. — Она совершила профессиональное самоубийство.

— Именно, — кивнул Ричард. — И тот новичок, надо признать, не подвел. Он еще пару лет выезжал на её старых дрожжах, используя её наработки и те самые «винтажные имена». Читатели даже не заметили подмены. А Эви... Эви просто растворилась. Словно та «Дьявольская машинка» перегорела до основания, и она решила, что пепел ей больше не нужен.

— Так всё-таки, с чего именно всё началось? — спросил Ник, подавшись вперед.

Ричард тяжело вздохнул и поправил очки.

— Ты прав, парень. Был такой момент. Это был самый пик её формы. Знаешь, когда автору кажется, что он поймал бога за бороду и теперь ему по плечу любая тема. Ей хотелось чего-то большего, чем просто сельские страшилки. Она искала историю, которая по-настоящему встряхнула бы всё графство.

Старик усмехнулся, вспоминая их последний долгий разговор в редакции.

— Я тогда еще подкалывал её. Сказал: «Эви, ты с таким рвением копаешь под эти закрытые темы, что тебе в МИ-6 пора подаваться, а не в нашей листовке колонку вести». Мы посмеялись, но она эту шутку восприняла как-то чересчур серьезно. Сказала, что нашла зацепку и ей нужно на один остров. Не говорила зачем, просто — «там есть то, что мне нужно».

Ричард сделал паузу, глядя на Гарольда.

— Она уехала в командировку на этот остров. Сказала, что её не будет пару недель. Вернулась она вовремя, как и обещала. Но, как я уже говорил, это была уже не та Эвелин Уайт. Она привезла с собой только молчание.

Он повернулся к Гарольду:

— Слушай, Гарольд, у меня в гараже до сих пор пылятся пара коробок с редакционным хламом, который я забрал при закрытии «Вестника» в восемьдесят первом. Кажется, там завалялись её путевые листы и какие-то обрывки записей из той поездки на остров. Я их тогда не выкинул только из уважения к ней. Если вам это действительно интересно, я посмотрю на днях. Может, там и найдется ответ, во что она вляпалась в ту осень семьдесят третьего.

— Слушай, — Ричард прищурился, окидывая Ника скептическим взглядом, — а тебе-то это всё зачем? Не особо ты похож на любителя пыльной литературы или историка-зануду. Ник пожал плечами и отставил пустую банку пива.

— Да я и сам не знаю, если честно. Просто раз уж начал... Ну, зацепило. Сначала просто хотел понять, не продешевили ли мы с напарником, а теперь просто интересно. Сами же говорите — легенда, тайна. Любопытство, знаете ли, штука заразная. Да и с вами вот познакомиться довелось.

Ричард хмыкнул, явно удовлетворенный ответом.

— Справедливо. Ладно, слушай дальше. Когда она вернулась с того острова, я всё пытался её разговорить. Думал, может, материал не пошел или обидел кто. Зашел к ней в кабинет, сел напротив и прямо спросил: «Эви, ну выкладывай, что там на самом деле произошло?». А она посмотрела на меня — взгляд пустой, холодный — и говорит: «Ничего не было, Ричард. Просто ничего». И всё. Больше я из неё ни слова не вытянул. До самого её увольнения она так и твердила: «Ничего не было».

Гарольд, который до этого задумчиво молчал, вдруг подал голос:

— Знаешь, пап... в смысле, Ричард, я тут еще кое-что вспомнил. Мама последние лет двадцать, пока жива была, постоянно куда-то деньги переводила. Небольшие суммы, фунтов по десять-пятнадцать, но регулярно. Я как-то раз случайно увидел чеки в её бумагах — какие-то благотворительные пожертвования или взносы.

— И куда? — быстро спросил Ник.

— В том-то и дело, что названия фондов были какие-то странные, — Гарольд почесал затылок. — Какие-то аббревиатуры, которые я в жизни не слышал. Она говорила, что это «на поддержку старых традиций», но никогда не уточняла, каких именно. Мы с женой думали — может, церковь какая или приют для животных на окраине. А теперь вот думаю... может, это как-то связано с тем её «ничего не было»?

Ник едва не поперхнулся чаем, когда услышал это «пап» от Гарольда. Он перевел взгляд с крепкого хозяина дома на сухощавого Ричарда и обратно.

— Стоп, — Ник поднял ладонь. — Ричард, ты его отец? Или я чего-то не догнал в этой семейной иерархии?

Гарольд весело расхохотался, хлопая себя по коленям, а Ричард лишь невозмутимо пригубил свой напиток.

— Да нет, Ник, — сквозь смех выдавил Гарольд. — Это у нас шутка такая семейная, со стажем. Мы же с детства вместе: мои родители, Ричард с женой... Семьями дружили так плотно, что я у него в редакции под столом ползал, пока они там свои сенсации верстали.

— Ты лучше расскажи, как твой батя на это смотрел, — подмигнул Ричард.

— О, это классика! — Гарольд повернулся к Нику. — Мой отец, когда видел, что Ричард в очередной раз паркует свой драндулет у нашего дома, всегда начинал напускно ворчать. Выходил на крыльцо и говорил: «Так, Эвелин, прячься в подпол. Пришел Ричард, я уже начинаю всерьез волноваться, что он мою жену утащит прямо у меня из-под носа!».

— Я просто слишком настойчиво требовал от неё тексты, — вставил Ричард, усмехаясь.

— А её муж был уверен, что такая страсть к работе добром не кончится.

— Батя реально переживал, — Гарольд вытер выступившие от смеха слезы. — Говорил, что Ричард так смотрит на маму, когда она выдает классный заголовок, будто готов её в охапку сгрести и увезти в кругосветку писать репортажи. Так что «папа Ричард» — это у нас звание почетного опекуна, который слишком много времени проводил на нашей кухне, споря о политике и газетных шрифтах.

Ник улыбнулся. Атмосфера была настолько нормальной и уютной, что история о таинственном острове и «изменении реальности» казалась теперь еще более неуместной и пугающей, как черная клякса на чистой скатерти.

— Ладно, «папа Ричард», — Ник кивнул на старика. — Раз уж вы такие близкие, тем более странно, что она вам про то «ничего не было» так и не раскололась.

— Вот и я о том же, парень, — Ричард сразу посерьезнел. — После того случая между нами как будто стена выросла. Шутки остались, а вот правда... правда ушла куда-то глубже. В те самые пожертвования по десять фунтов.

Прошла неделя. Ник старался выкинуть из головы историю с Эвелин, погрузившись в привычную гаражную рутину, но звонок от Гарольда в четверг вечером прервал этот сонный ритм.

— Ник, привет! — голос Гарольда в трубке звучал бодро. — Слушай, Ричард сегодня отзвонился. Сказал, что всё-таки перерыл свой гараж и нашел ту самую коробку с редакционным хламом за семьдесят третий. Говорит, там есть пара любопытных бумаг. В общем, как и договаривались: ждем тебя в субботу к двум. Дядя Ричард обещал приехать пораньше и всё привезти. Приезжай, посидим, поглядим, что там за архивы.

В субботу Ник приехал вовремя. У «Дома у ручья» уже вовсю кипела жизнь: внуки Ричарда носились по саду, а сам старик уже сидел в плетеном кресле на веранде, похлопывая ладонью по внушительной картонной коробке, стоявшей на столе.

— А, вот и наш искатель древностей! — пробасил Ричард, завидев Ника. — Заходи, сынок, присаживайся. Я тут, как видишь, привез обещанное. Пылищи в ней на полвека вперед хватит, но кое-что интересное я для тебя уже откопал.

Гарольд вынес поднос с холодными напитками и устроился рядом.

— Ну что, Ричард, не томи, — улыбнулся Гарольд. — Давай показывай, ради чего ты полдня в гараже пачкался.

Ричард с кряхтением водрузил на стол старую картонную коробку. От неё в солнечных лучах сразу поднялось облако пыли.

— Ну вот, — Ричард вытер руки о светлый пиджак и выудил из недр коробки тонкую папку с завязками. — Это я выгреб из самого дальнего угла гаража. Тут только то, что официально проходило через редакцию в семьдесят третьем.

Ник подался вперед. Старик выложил на стол пожелтевший бланк путевого листа.

— Смотри сюда, — Ричард постучал пальцем по бумаге. — Сентябрь семьдесят третьего. Эвелин выписывает редакционную машину на две недели. Пункт назначения — порт Лоустофт. В примечании она своей рукой черкнула: «Переправа на Сент-Джуд».

Ник нахмурился, вглядываясь в размашистый почерк.

— Сент-Джуд? Я его на картах не видел.

— Еще бы ты его видел, — Ричард усмехнулся. — Этот клочок земли на тот момент официально даже не входил в акваторию Великобритании. Нейтральная территория, юридическая дыра, где жила семья ветеранов. Туда она и намылилась.

Ричард выудил еще один листок — копию письма, пришедшего когда-то в редакцию на имя Эвелин.

— Ей тогда написала одна из читательниц, некая Руан. Сообщила, что на этом острове начала твориться какая-то ерунда. Ну, обычные жалобы на «странности», которыми Эви тогда и кормилась. Хотела проверить факты, надеялась на жирный репортаж про мистику на ничейной земле.

Ник взял письмо в руки, и в голове у него будто щелкнул замок. Он вспомнил ту самую строчку из блокнота, найденного в контейнере: «Встреча с Рони в 10:30».

— Рони... — прошептал Ник. — Она просто сократила имя. Руан — Рони.

Он сопоставил письмо из коробки Ричарда и свою находку со склада. Теперь всё стало на свои места: записка в блокноте была не о старой подруге, а о той самой женщине с острова, к которой Эвелин отправилась в свою последнюю настоящую командировку.

— Она пробыла там меньше срока, — Ричард посерьезнел. — Вернулась с этим своим «Ничего не было». Больше в этой коробке ничего полезного нет — только счета за бензин и пустые бланки.

Ник смотрел на пожелтевшее письмо. Шерлок Холмс внутри него уже строил маршрут. Если Ричард больше ничего не знает, значит, всё остальное Эвелин действительно унесла с собой. Или оставила там, на острове.

— Значит, Сент-Джуд, — сказал Ник, поднимаясь. — Похоже, мне пора самому проверить, что там за «ерунда» творилась в семьдесят третьем.

Гарольд хмыкнул и, прищурившись, посмотрел на Ника, который с очень важным видом укладывал бумаги обратно в папку.

— Ты погляди на него, — Гарольд подтолкнул Ричарда локтем. — Наш Никки уже примерил на себя кепку Шерлока. Что дальше? Поедешь на остров, а потом напишешь книгу «Тайна исчезновения писателя»?

Ричард зашелся мелким смешком, а Ник замер с письмом в руках, явно прикидывая, как это название будет смотреться на обложке.

— А что? — Ник постарался вернуть лицу серьезность, хотя уголки губ уже предательски ползли вверх. — Жанр сейчас популярный. Напишу, как два четких пацана впарили макулатуру мажору из Брайтона за две с половиной штуки, а потом один из них поплёрс на край света искать «ничейную» землю из-за записки про Рони.

— Только не забудь добавить главу про то, как ты полчаса в библиотеке краснел перед бабкой-пергаментом, — подмигнул Ричард.

— Это будет бонусная глава в мягком переплете, — отмахнулся Ник. — Но если серьезно, Гарольд, мне правда интересно, что там за остров такой. Напишу я книгу или просто пару постов на форуме — неважно. Но раз уж Эвелин оставила такую «закладку» в истории, грех её не проверить.

Гарольд поднял свою банку пива, салютуя Нику.

— Ну, удачи, «автор». Главное, чтобы на Сент-Джуде тебя не приняли за очередного искателя приключений на свою голову. А то вместо книги получится только короткая заметка в разделе происшествий.

Ник ехал домой, чувствуя, как в кармане куртки жжёт бумага с адресом Руан и названием острова. Всю дорогу он прикидывал, как преподнести это Дэну.

Зайдя в гараж, он застал напарника за подсчетом оставшихся денег от продажи архива.

— Слышь, Дэн, я тут подумал... Нам надо смотаться в Лоустофт, — Ник постарался, чтобы это прозвучало буднично. — Там остров есть, Сент-Джуд. Нужно кое-что проверить по делу Эвелин.

Дэн даже не поднял головы от пачки фунтов.

— На какой еще остров? Никки, ты берега попутал? — Дэн сплюнул на пол. — Мне что, делать больше нечего, кроме как с тобой на край света мотаться? У меня тут дела, планы, выходные впереди. Я этот хлам слил и забыл как страшный сон. Хочешь кормить чаек на ничейной земле — флаг тебе в руки, а я пас.

Ник только вздохнул. Уговаривать Дэна было бесполезно — тот уже мысленно пропивал свою долю.

Вечером, собирая сумку, Ник наткнулся на скептический взгляд своей девушки. Она стояла в дверях, наблюдая, как он заталкивает в рюкзак старый фонарь, походные ботинки и тот самый кожаный блокнот.

— И куда это мы собрались? — она скрестила руки на груди.

— Да так... — Ник замялся, застегивая клапан рюкзака. — Решил устроить себе небольшие каникулы на побережье. Ну, типа активный отдых. Совмещу приятное с полезным — проведу небольшое расследование для души.

Девушка посмотрела на него так, будто у него внезапно выросла вторая голова.

— «Отдых-расследование»? — она выгнула бровь. — Ник, ты серьезно? Расследование чего? Старых газетных вырезок, которые ты неделю из рук не выпускаешь? Ты едешь на какой-то богом забытый остров, чтобы искать следы тетки, которая перестала писать еще до твоего рождения. Это по-твоему «отдых»?

— Ну, я же собираюсь написать книгу, — буркнул Ник, стараясь не смотреть ей в глаза. — «Тайна исчезновения писателя». Звучит же?

— Звучит как диагноз, — отрезала она, но все же отошла от двери. — Смотри только, чтобы твой «отдых» не закончился тем, что тебя самого придется разыскивать по всем окраинам.

Ник закинул рюкзак на плечо и, увидев озадаченное лицо девушки, не выдержал. Он замер в дверях, глядя на неё с хитрой ухмылкой.

— А ты хоть знаешь, кто у этой книги соавтором будет? — спросил он и просто заржал, глядя на её реакцию.

Девушка на секунду зависла, переводя взгляд с его довольной физиономии на собранный рюкзак.

— Ты что... сейчас реально намекаешь, чтобы я поехала с тобой в эту дыру? — она скептически выгнула бровь.

Ник перестал смеяться, но глаза всё еще искрились весельем. Он подошел ближе и приобнял её за плечи.

— Слушай, я не намекаю и даже не предлагаю. Я тебя просто беру с собой, — он снова усмехнулся. — Будешь следить, чтобы твой «гениальный автор» не свалился в какую-нибудь яму, пока будет искать следы этой Руан. Да и вдвоем на «ничейном» острове как-то сподручнее книгу писать, не находишь?

Она вздохнула, понимая, что спорить бесполезно, но в глубине души ей уже и самой стало любопытно, что это за остров, которого нет на картах.

— Ладно, «Шерлок», — проворчала она, уходя в комнату за своими вещами. — Но если там не будет нормального кофе, ты сам будешь дописывать финал этой своей «Тайны» в гордом одиночестве.

Девушка закатила глаза, но уже начала кидать вещи в сумку, не скрывая усмешки.

— Ладно, уговорил! — крикнула она из спальни. — А то с этим твоим Дэном — один сплошной день сурка. С ним вообще ничего интересного не замутишь, только и слышно: «где бабки?» да «где пиво?». Скучный он как старая газета.

Она вышла в коридор, застегивая куртку, и посмотрела на Ника уже с явным азартом.

— А тут хотя бы реальное дело. Остров, которого нет, таинственная Рони-Руан.... Если уж ты решил вляпаться в историю, то я хоть посмотрю, как ты будешь выкручиваться.

Погнали, «соавтор», пока я не передумала!

Ник вырулил со стоянки, чувствуя, как внутри всё зудит от нетерпения.

— И всё-таки, ты уверен, что этот остров существует? — Клэр потянулась и переключила радио на какую-то энергичную волну. — А то приедем, а там только чайки на пустом месте гадят.

— Ричард врать не станет, — Ник крепче сжал руль. — Слишком уж он оживился, когда про Руан вспомнил. Там явно что-то есть. Или было.

— Главное, чтобы это «что-то» не решило нами пообедать, — она усмехнулась, но по тому, как она проверяла зарядку на камере, было видно — азарт её пробрал не меньше. А в это время в Лондоне Дэн открывал очередную банку, абсолютно счастливый в своей уверенности, что Ник — идиот. Он еще не знал, что через пару дней макулатура, которую он так презирал, превратится в ключ от дверей, которые Эвелин Уайт заперла наглухо тридцать семь лет назад.

Ник притормозил у дорожной развязки, сверяясь с распечаткой, которую он сделал с архивного письма.

— Ну вот, — Ник ткнул пальцем в пожелтевший бланк. — В семьдесят третьем эта Руан писала именно отсюда. Мортмут. Старая рыбацкая деревня, которой сейчас даже на новых картах толком нет — то ли вымерла, то ли её просто стерли за ненадобностью.

Клэр высунулась в окно, разглядывая пустую дорогу, ведущую к побережью.

— Мортмут... — протянула она. — Звучит как место, где даже GPS предпочитает не работать. Ричард не знает, жива ли она еще, или там уже одни руины?

— Он вообще ничего не знает, — Ник переключил передачу. — Он просто выдал мне бумаги. Там адрес: «Мортмут, береговая линия, дом три». Если она не переехала за сорок лет или если дом не смыло в море, то это наш единственный шанс. Эвелин ехала именно туда. Она искала сенсацию о «призраках» на Сент-Джуде, о которых судачили местные рыбаки. Последние жители тогда как раз сваливали с острова, а Руан была одной из тех, кто видел всё это вблизи.

Клэр скептически хмыкнула, поправляя сумку.

— Рыбацкие мифы, пустой остров и старушка, которая, возможно, давно общается только с чайками. Отличный план для книги, Ник. Просто идеальный «отдых».

— Посмотрим, — Ник прибавил газу. — В блокноте Эвелин написано: «Встреча с Рони в 10:30». Если мы найдем этот дом номер три, мы поймем, почему после этой встречи блестящая карьера писательницы Уайт закончилась коротким «Ничего не было».

Машина нырнула в густой туман, который начал наползать со стороны моря, скрывая за собой последние указатели на цивилизацию. Мортмут ждал их впереди, притаившись у самого обрыва.

Подъезжая к Мортмуту, Ник и Клэр ожидали увидеть декорации к фильму ужасов, но реальность их огорошила. Деревня выглядела не просто живой, а почти идиллической. Аккуратные домики с белыми ставнями, свежепокрашенные заборы и яркие вывески гостевых домов. Воздух здесь был не тяжелым и затхлым, а по-настоящему свежим, пропитанным солью и ароматом цветущего шиповника.

— Seriously? — Клэр опустила стекло и глубоко вдохнула. — Где туман? Где зловещие тени? Тут всё выглядит так, будто сейчас выйдет рекламный агент и предложит нам купить таймшер.

— Перепрофилировались, — буркнул Ник, разглядывая указатель «Мортмут: лучший отдых на побережье». — Похоже, на байках о призраках они неплохо заработали и превратили дыру в курорт для любителей «тихой Англии».

Дом номер три нашелся быстро. Это был крепкий коттедж с ухоженным палисадником. А сама Руан оказалась вовсе не мрачной затворницей, а на удивление заводной и болтливой старухой в ярком кардигане.

— О, гости! — Руан просияла, едва заведя их на пороге. — Проходите-проходите, у меня как раз чайник закипел. Вы про остров? Ох, сколько вас таких за эти годы перебывало... Но вы выглядите поприятнее тех парней с паранормального канала.

Когда Ник аккуратно выложил на стол старое письмо и упомянул Эвелин Уайт, Руан всплеснула руками и весело рассмеялась.

— Эвелин! Ну конечно! Знаете, даже ваш редактор, этот старый ворчун Ричард, небось забыл, как дела делались в те времена. Эвелин ведь не просто так приехала — она тогда в газете объявление дала: «Плачу за реальную историю о странностях». А я в те годы была молодая, предприимчивая, вот и черкнула ей про наш Сент-Джуд.

Руан подмигнула Клэр и продолжила:

— Она приехала, честно отвалила мне обещанные фунты, переночевала здесь, в этой самой гостиной, и на следующее утро умотала на остров. На день и на ночь, как и планировала. А вот когда вернулась... О-о, это была уже другая женщина. Вылезла из лодки бледная как смерть, зубы стучат, глаза пустые. Тихой мышкой проскользнула в дом, собрала свой чемоданчик и уехала.

Ник нахмурился, сверяясь с путевым листом.

— Но в редакции считали, что она была в командировке две недели. А вы говорите — день и ночь.

— Вот именно, — Руан посерьезнела, и в её глазах на миг промелькнуло что-то похожее на прежний страх. — У меня она пробыла всего ничего. А потом исчезла. После острова её не было в деревне еще полторы недели. Где она пропадала всё это время на материке и что делала, прежде чем окончательно вернуться в свою редакцию и сказать «ничего не было» — вот это, ребятки, и есть ваша настоящая тайна. Она точно что-то прятала. И, кажется, не в бумажном архиве.

— Слушай, Руан, ну какие призраки? — Ник скептически усмехнулся, глядя в свою чашку.

— Эвелин за карьеру сотню таких баек написала: и про дома с привидениями, и про деревенских оборотней. Не думаю, что её бы так передернуло от очередной истории про фонарик в окне. Что она там могла увидеть такого, чтобы сорваться с места и умотать в ту же секунду?

Руан ничуть не обиделась на его тон, только задорно подмигнула.

— Ой, да какой из тебя исследователь, — она замахала на него рукой. — Сидишь тут, умничаешь! Эвелин тогда правда искала что-то особенное. Я ведь ей про наш Сент-Джуд не просто сказки сочиняла. Там ведь семья фронтовиков жила, муж с женой, еще после войны заехали, хотели тишины. Мужик в шестьдесят седьмом помер, а женщина его на материк съехала. Остров вроде как официально опустел, но рыбаки-то болтали! То свет в окнах старой метеостанции, то гул какой-то по ночам, будто огромный рой пчел над водой кружит.

Старушка откинулась на спинку кресла и развела руками.

— Я сама-то там была, за пару лет до приезда Эвелин. Любопытство пересилило. И что ты думаешь? Пустота. Зброшенные постройки, развалины метеостанции, которые морской ветер по кирпичику разбирает. Единственное, что там еще живое осталось — это старый сад, который та семья высаживала. Деревья одичали, переплелись все, но всё равно стоят. В остальном — камни да гнилые доски. Я побродила полчаса и убралась восвояси, скучно там.

Руан подалась вперед, и её голос стал тише.

— Вот и я думала, что Эвелин вернется и обсмеет меня за эти байки. А она сошла с лодки и будто мир для неё перевернулся. Понимаешь, Никки? Она знала про пустой остров, знала про сад и развалины. Но за одну ту ночь она увидела что-то такое, что заставило её бросить всё, заплатить мне за молчание и десять дней прятаться по канавам на материке, прежде чем зайти в редакцию.

Ник задумчиво постучал пальцами по столу, переводя взгляд на Клэр.

— От Мортмута до Лондона ехать всего ничего, — негромко произнес он. — Интересно, где она всё это время лазила на служебной тачке... На материке, после ночи в пустом саду.

— Кстати, о саде, — Руан прищурилась, припоминая детали. — Была там одна деталь, которую я даже Эвелин толком описать не смогла. Странно это выглядело, дико.

Она отставила чашку и начала жестикулировать, словно рисуя картину в воздухе.

— Деревья там старые, узловатые, одичавшие совсем. Но почти на каждом висела ленточка. Я тогда близко подходить побоялась, издали разглядывала, но глаз у меня тогда был острый. Большая часть деревьев стояла с синими лентами. На каждом стволе — ровно по одной, аккуратно завязаны. И среди всего этого синего моря стояло буквально три-четыре дерева с зелеными лентами.

Ник недоуменно переглянулся с Клэр.

— Ленточки? В заброшенном саду на необитаемом острове? — Ник хмыкнул. — Может, моряки какие-то метки ставили? Или та семья ветеранов так деревья подрезала?

— Да ну тебя со своим прагматизмом! — отмахнулась Руан. — Зачем морякам ленточки в саду? И зачем ветеранам вешать их столько лет назад, чтобы они до середины семидесятых не сгнили и не выцвели? Они выглядели свежими, понимаешь? Будто их только вчера повязали.

Старушка зябко передернула плечами.

— Синие и зеленые. Я тогда Эвелин об этом сказала, она еще так странно на меня посмотрела, сразу блокнот свой вытащила и что-то черкнула. А когда она с острова

вернулась, я спросила: «Ну что, видела свои ленточки?» Она на меня так зыркнула, будто я её прокляла. Ни слова не ответила. Просто собрала чемодан и по газам.

Ник задумчиво потер подбородок.

— Значит, пустой остров, гул, свет и сад, размеченный ленточками двух цветов. А потом десять дней исчезновения на материке.

Он посмотрел на Клэр и добавил:

— Кажется, наш «отдых» обещает быть гораздо насыщеннее, чем я думал. Синий и зеленый... Интересно, это была просто метка или чей-то список?

Ник задумчиво потер подбородок, переваривая услышанное.

— Слушайте, Руан, ну ленточки и ленточки, — Ник скептически повел плечом. — Мало ли какую систему учета придумали старики-ветераны. Может, они так сорта яблок помечали или деревья для вырубки. Неужели опытная журналистка, видевшая виды, могла сойти с ума от кусков ткани в саду? Это же бред.

Руан пожала плечами, глядя на него со странной смесью жалости и иронии.

— Бред не бред, парень, а Эвелин из лодки не просто испуганной вышла. Она была пустая. Будто всё, во что она верила, в тот день на острове закончилось. Я-то эти ленточки издавала видела, а она по саду этому полночи бродила с фонариком.

Клэр, которая до этого внимательно слушала, задумчиво добавила:

— И всё же, Ник... Синие и зеленые. Почти всё синее и всего три-четыре зеленых. Если это садоводство, то какое-то слишком уж избирательное. Но ты прав, вряд ли это причина её побега. Скорее, это просто часть того беспорядка, который там творится.

— Вот именно, — Ник поднялся со стула. — Эвелин искала «чертовщину» и, видимо, нашла что-то покрупнее гнилых ленточек. А вот что именно заставило её потом десять дней прятаться по материке на служебной тачке — вот это реальный вопрос.

Он кивнул старушке и потянулся за рюкзаком.

— Спасибо за чай, Руан. И за наводку. Кажется, пришло время нам самим посмотреть на этот остров. Даже если там остались только развалины и старый сад.

— Будьте осторожны, Никки, — Руан посмотрела на него уже без тени улыбки. — Эвелин тоже думала, что едет за очередной байкой про призраков. Ищите на пристани лодочника Тома. Он возьмет с вас тройную цену, но хотя бы довезет до Сент-Джуда. Но предупреждаю: если увидите эти ленточки сами — не пытайтесь их пересчитывать. Просто... не надо.

Ник обменялся быстрым взглядом с Клэр. Теперь «активный отдых» начинал отдавать холодком, который не имел никакого отношения к морскому бризу.

Ник уже стоял в дверях, когда Руан добавила, припоминая детали:

— И вот еще что, Никки. Те ветераны... к ним ведь гости захаживали. Не наши, не мортмутские. Время от времени к острову причаливали лодки. Только подходили они не с нашей стороны, со стороны открытого моря, чтобы в деревне их лишний раз не видели. Обычные катера, и люди на них — с виду самые простые.

Ник замер, не оборачиваясь.

— Гости? На необитаемый скалистый остров к паре пенсионеров? — он медленно повернулся. — Зачем?

— А кто ж их знает, — Руан пожала плечами. — Старики помалкивали. Но приезжали они не часто, зато регулярно. И знаете, что странно? Это не были какие-то важные чины. Видела я, как их с лодок выгружали: кто на коляске, кто на костылях, кто совсем слабенький, под руки вели. Больные какие-то, что ли. К вечеру катера уходили, а старик потом сразу в сад шел.

Клэр нахмурилась, поудобнее перехватывая сумку.

— И что он там делал, в этом саду?

— Да возился постоянно. У них там деревья были посажены, обычные такие, декоративные — клёны или что-то вроде того, чтобы тень создавали и от ветра дом прикрывали. Невысокие, но густые. Я-то ленточки эти только когда сама туда позже плавала, разглядела. А издали видела — копошится старик среди веток, что-то поправляет, проверяет после каждого визита этих «гостей». На кой черт на скалистом острове так над деревьями трястись? И ленточки эти... Синие и всего три-четыре зеленых. Помяните моё слово, они их не для красоты развешивали.

Ник молча кивнул. История из мистической байки окончательно превращалась в какую-то странную схему.

— Ладно, Руан. Спасибо. Теперь картинка еще краше. Пойдем искать лодочника Тома, пока он не ушел в море.

Солнце уже начало клониться к западу, окрашивая гавань в густой золотистый цвет. На пирсе пахло сушеной водорослью, старым деревом и соляжкой. «Старая Сью» — небольшой катер с приземистым корпусом и следами многолетней борьбы с солью на бортах — мерно покачивался на воде, натягивая причальные канаты. Том, крепкий мужчина с добродушным лицом, возился с мотором, насвистывая какой-то мотивчик.

— Добрый день! — Ник приподнял руку в приветствии. — Нам бы на Сент-Джуд взглянуть. Подбросите?

Том выпрямился и вытер руки о чистую ветошь, улыбнувшись в густые усы.

— На Сент-Джуд? Почему бы и нет, дело хорошее. Прогулка выйдет отличная. Только имейте в виду — посадить прямо на берег не смогу, там камни кругом. Спущу вам шлюпку, пройдете последние пару десятков ярдов сами, ладно?

— Без проблем, — кивнул Ник. — Мы слышали, вы это место хорошо знаете.

— Ну, как сказать, — Том поудобнее оперся о борт. — Я туда провизию возил, когда старики там жили. Тихая была пара, ветераны. Мужик в Африке воевал во Вторую мировую, жена его там же в госпитале работала. Душевные люди, платили всегда исправно, наперед за полгода могли отдать. Жили они там, правда, как в собственном королевстве. Знаете, остров-то наш британский по закону только недавно стал — после всех этих актов о морских границах в семидесятых. А до того Сент-Джуд был как ничья земля.

Том помог Клэр подняться на борт и продолжил:

— Сплетничали про них много, конечно. Говорили, к ним лодки с открытого моря приходили, людей каких-то привозили. Я сам пару раз видел — народ всё больше болезненный, кто на костылях, кто на колясках. Старик их встречал, провожал к дому, а сам потом возвращался к своим делам. На кой черт больным людям пустой остров в океане — бог весть.

Ник запрыгнул вслед за Клэр.

— А Эвелин Уайт? Вы её тоже возили?

— Не, её кто-то из местных доставлял. Но про неё в Мортмуте долго вспоминали.

Приехала молодая, бойкая, а вернулась с острова — краше в гроб кладут. Бледная была, ни с кем не разговаривала. Прыгнула в свою служебную машину и дала по газам, только её и видели. Уж не знаю, что она там разглядела, но после её визита тайна острова стала еще гуще.

Том весело подмигнул и дернул шнур стартера. Катер отозвался бодрым рычанием, выпуская облачко сизого дыма.

— Ну что, погнали? Покажу вам это «королевство».

Катер резал мелкую волну, оставляя за собой пенный шлейф. Расстояние до Сент-Джуда было небольшим — мили полторы, но из-за прибрежных течений «Старая Сью» шла не спеша. Вокруг расстилалась обманчиво спокойная синева, в которой кое-где поблескивали спины жирных морских птиц.

Клэр стояла у борта, вглядываясь в растущий на горизонте силуэт острова. Ветер трепал её волосы, а брызги приятно охладили лицо.

— Ник, ты заметил? — она не оборачивалась. — Уже второй человек говорит про больных людей. Руан упоминала костыли, теперь вот Том... Тебе не кажется это подозрительным? Ник подошел ближе и облокотился на поручень.

— Да ладно тебе, Клэр. Мы же слышали: его жена работала в госпитале в Африке, была полевой медсестрой. Может, они там просто устроили что-то вроде частного пансионата или клиники для своих? По старой памяти помогали сослуживцам, лечили по дешевке или просто советовались.

— По скидке? — Клэр скептически вскинула бровь. — Ник, посмотри на этот океан. Даже если там лучший в мире терапевт, ехать в такую даль, трястись на лодке в нейтральных водах, чтобы просто «посоветоваться»... Ну, я бы честно не согласилась. В шестидесятых люди, конечно, были отчаянные, но тут должно было быть что-то такое, чего нельзя получить в обычном госпитале в Лондоне.

Ник отмахнулся, щурясь от яркого солнца.

— В те времена люди и не на такие странности шли. Если ветераны верили, что морской воздух и уединение ставят на ноги лучше таблеток, то почему бы и нет?

— Десять дней, Ник, — тихо напомнила она. — Эвелин пропала на десять дней на материке после визита к этим «целителям». Это не похоже на обычный сбор материала для статьи о доброй медсестре.

Ник промолчал. Остров Сент-Джуд уже не казался просто живописным куском скалы — он всё больше напоминал закрытый сейф, ключи от которого были выброшены в море сорок лет назад.

— Приехали, — Том сбросил обороты, и катер плавно заскользил по инерции. — Дальше на шлюпке. К самому берегу я «Сью» не подгоню.

Ник взглянул на остатки старого пирса, торчащие из воды, как гнилые зубы.

— А что с причалом? Выглядит неважно.

— В том и беда, парень, — Том по-дружески похлопал Ника по плечу. — Причал — это труха. Опоры прогнили, настил — одно название. Мой бесплатный совет: по нему не ходить. Провалитесь — и привет, камни там острые.

Он начал отвязывать шлюпку и вдруг понизил голос до таинственного шепота:

— И вот еще что... Туристы вы или нет, а жути поднагнуть я обязан, — он коротко хохотнул, подмигнув Клэр. — Рыбаки наши болтают, что на обрыве иногда тени видят. Стоят фигуры, в море смотрят, а как лодка ближе подходит — растворяются. Привидения ветеранов, не иначе! Да вы на птиц посмотрите — видите, как мечутся? Будто бояться на камни сесть. Птица — она воздух чувствует.

Клэр посмотрела на чаек, которые описывали странные рваные круги над островом.

— Вы серьезно? Прямо привидения?

— А почему бы и нет? — Том весело развел руками. — За такие деньги я вам и не такое расскажу! Но про причал я серьезно, ребятки. Это не байка. На берег вылезайте только по камням. И вот еще: запишите-ка мой номер. Связь тут ловит паршиво, но терпимо. Как нагуляетесь — звоните или эсэмэску киньте, я приплыву и заберу вас. Давайте, прыгайте в шлюпку. Удачи вам на Сент-Джуде.

Шлюпка скрежетнула по смеси песка и щебня. Ник первым спрыгнул на берег и помог Клэр. Катер «Старая Сю» дал прощальный гудок и начал медленно разворачиваться, уходя обратно к Мортмуту.

Прямо от берега начинался пологий холм. Трава здесь была на удивление сочной и ярко-зеленой, хотя старые тропинки почти полностью скрылись под зарослями. С этой точки остров просматривался хорошо: чуть выше по склону стояла метеостанция. Крыша её давно покосилась, а каменные стены осыпались, превращая вышку в бесполезную руину.

Сам дом, стоявший чуть поодаль, выглядел крепче. Приземистый, из серого камня, он всё еще щеголял железным настилом на крыше. Во дворе царило запустение: массивный деревянный стол, пара проржавевших насквозь стульев и одинокая скамейка ближе к деревьям. За сараями виднелся небольшой холмик с вросшей в него дверцей.

Справа от построек темнело плотное пятно леса. Декоративные клёны стояли ровными рядами, сплетаясь кронами в плотный купол.

— Посмотри на деревья, — Клэр замерла у края двора.

На ветках висели ленточки. Синие — их было около тридцати. Среди них виднелись зеленые — около десяти штук, разбросанных по всему массиву. Но прямо на дереве, ближайшем ко двору, висела одна-единственная белая лента.

— Руан про белую ничего не говорила, — Ник подошел ближе. — Синих тридцать, зеленых десятков... А эта одна.

Он осмотрел ткань. Она была чистой, без следов тления. Весь двор был в руинах и ржавчине, но лес и ленты выглядели так, будто за ними ухаживали ежедневно.

— Если этот остров

Клэр подошла к дереву и осторожно потрогала белую ленту, пропуская её сквозь пальцы.

— Слушай, Ник, ну-ка посмотри, — она потянула край ткани на себя. — Странная какая-то штука. Похожа на синтетику, но не совсем.

Ник подошел вплотную, разглядывая ленту.

— Ну, тряпка и тряпка.

— Да нет, ты потрогай. На ощупь вообще на обычную ткань не похоже. Больше на какую-то резиновую смесь или плотную пленку, из которой сейчас куртки делают. Она скользкая и холодная. И глянь — ни одной ниточки не торчит, хотя край обрезан криво. Ник провел пальцем по поверхности.

— И правда. Похоже на нашу современную синтетику. Откуда такая ерунда у стариков в те годы? Тогда же всё больше хлопок был, который на солнце в труху за лето превращается. А эта — как новая. Походу, ткань такая хитрая, что её и обновлять не надо, она тут сто лет провисит.

Клэр отпустила ленту и вытерла пальцы о джинсы.

— Вот именно. Ткань как новая, а причал сгнил. Станный баланс.

Ник обернулся к дому.

— Ладно, разберемся. Пойдем глянем, что там за холмик с дверцей за сараями. Что-то мне этот «погреб» не нравится.

необитаем, то кто-то здесь очень любит порядок, — Ник обернулся к дому. — Пойдем проверим тот холмик с дверцей, пока солнце не зашло.

Ник остановился и окинул взглядом двор.

— Справедливо, — кивнул он. — Не стоит лезть под землю, не проверив, что у нас за спиной. Давай сначала здесь по кругу пройдемся.

Они начали со стола. Дерево на столешнице от времени стало серым и шершавым, глубокие трещины забились солью. Стол был тяжелым, дубовым, вкопанным в землю намертво.

— Смотри, — Клэр указала на ржавые стулья. — Их тут два, стоят так, будто хозяева только что встали. Один отодвинут к метеостанции, другой — к саду.

— Сидеть на них я бы не рискнул, — Ник хмыкнул, рассматривая хлопья ржавчины на ножках. — А вот скамейка у деревьев поновее будет.

Он подошел к лавке, стоявшей вплотную к клёнам. Она была сбита из простых досок и еще сохранила остатки лака. Отсюда открывался вид на весь двор и тропинку к берегу.

— Удобный пост наблюдения, — заметила Клэр. — Старик сидел здесь, поглядывал на море и на свои деревья. Слушай, а на метеостанции стены каменные, но внутри будто что-то металлическое проглядывает.

Ник прищурился. Среди осыпавшейся кладки действительно поблескивало что-то серое, не похожее на камень.

— Похоже на армированный каркас или шахту. Ладно, сейчас заглянем. Но сначала глянь под стол.

В траве под столом, наполовину ушедшая в землю, лежала старая железная миска с облупившейся эмалью.

— Собака? — спросила Клэр.

— Или кто-то покрупнее, — Ник посмотрел на миску. — Для кошки великовата. Для обычной собаки — слишком глубокая.

Он выпрямился и посмотрел в сторону сараев.

— Двор как двор, если не считать того, что трава здесь прет как на дрожжах, а метеостанция выглядит странно. Ну что, идем к холмику или сначала в окна дома заглянем?

Ник и Клэр подошли к руинам метеостанции. Остановившись у порога, Ник придержал Клэр за плечо.

— Стой. Видишь ту балку сверху?

Центральная деревянная балка лопнула посередине, и её края опасно провисли. Любое движение могло обрушить остатки крыши.

— Заходить не будем, — прошептала Клэр, заглядывая внутрь через открытую дверь. Внутри не оказалось никакого оборудования. Вместо него в центре стоял старый массивный верстак. Поверхность дерева была покрыта зазубринами и темными пятнами. Вокруг, среди осыпавшейся кладки, царила обычная разруха: пустые жестянки, обрывки ветоши и гнилой брезент.

— Похоже, здесь была просто мастерская, — заметил Ник, водя фонариком по помещению. — Ничего научного, обычный хлам.

Клэр прищурилась, рассматривая пол под слоем мусора.

— Странная мастерская для такого места. И балка эта... кажется, она держится на честном слове.

Ник осторожно потянул её назад, подальше от осыпающихся стен.

— Здесь ловить нечего, если не хотим, чтобы нас завалило. Пошли к дому, проверим окна. За метеостанцию ветераны, кажется, не сильно держались.

Ник и Клэр подошли к холмику за сараями. Ник ухватился за ржавую ручку дверцы и с усилием потянул её на себя. Скрипнув, дверь открылась, обдав их запахом сырости и старого железа.

— Глянь-ка, — Ник направил фонарик под ноги.

Прямо у входа в пыли лежала винтовка. Клэр присела рядом, рассматривая находку.

— Это же «Ли-Энфилд»? Триста третья?

— Она самая. Точнее, то, что от неё осталось, — Ник наклонился ниже. — Ствол лопнул прямо со стороны бойка. Весь механизм — сплошной кусок ржавчины.

Вокруг оружия в грязи виднелись латунные ошметки. Ник подобрал один из них, разглядывая на свету.

— Остатки разорвавшегося патрона. Гильзу буквально вывернуло наизнанку. Похоже, кто-то пытался выстрелить из негодного ствола, и он рванул прямо в руках.

Клэр заглянула вглубь погреба. Там, среди пустых гнилых ящиков, царил беспорядок.

— Если это был склад, то теперь тут один хлам.

— Больше похоже не на склад, а на место, где в спешке бросали всё ненужное, — Ник выпрямился, вытирая руки. — Винтовка времен войны, брошенная прямо у порога... Атмосфера в этом «королевстве» становится всё более гостеприимной.

Ник шагнул глубже в погреб. Под ногами хрустели пустые ящики, рассыпающиеся в труху. В углу, у самой стены, обнаружился наполовину уцелевший деревянный короб.

— Иди сюда, — позвал он Клэр.

Внутри лежали старые медицинские принадлежности. Ник достал один из свертков — плотную, пожелтевшую крафт-бумагу, запечатанную сургучом.

— Перевязочные пакеты. Срок годности вышел дофига лет назад.

Клэр вытащила из ящика брезентовый чехол с хирургическими инструментами. Скальпели и зажимы превратились в сплошной кусок ржавчины. Они были обернуты в такую же плотную бумагу, которая теперь рвалась от любого прикосновения.

— Всё военного образца, — Клэр рассматривала потемневший бинт, выпавший из упаковки. — Полевая хирургия, перевязки... Всё тупо непригодное, просто хлам.

Ник попытался сдвинуть один из инструментов, но металл раскрошился у него в руках.

— Этим только столбняк ловить. Но зачем им тут столько бинтов и скальпелей?

Он выпрямился, оглядывая горы гнилой бумаги в ящиках.

— Похоже на склад полевого госпиталя. Вот только на госпиталь этот остров не очень-то тянет. Пошли отсюда, здесь только пыль глотать.

Ник и Клэр выбрались из подвала, отряхивая одежду. Клэр несколько раз звонко чихнула, вытирая нос тыльной стороной ладони.

— Будь здорова, — Ник вытер ладони о джинсы, оглядываясь. — Пыли там на целое поколение хватит.

— Спасибо, — Клэр перевела дух. — Слушай, Ник, вон там же еще одна постройка, видишь? Давай сначала в неё заглянем, раз уж мы всё равно по двору кружим.

Они подошли к отдельной пристройке, стоявшей чуть поодаль от основного дома. Дверь здесь разбухла от морской сырости и намертво закисло в проеме. Нику пришлось несколько раз сильно ударить плечом, пока косяк не поддался с протяжным скрежетом, выбивая облако старой трухи.

Внутри оказался просторный предбанник, примерно четыре на четыре метра. Помещение было почти пустым, если не считать одинокого деревянного стула. Он стоял в самом центре, развернутый так, что сиденье было направлено прямо на вход в следующую комнату.

Межкомнатной двери не было. Вместо неё проем пересекала одна-единственная толстая стальная проволока. С одной стороны она была прикручена к массивному болту, вбитому в косяк, а с другой — заканчивалась петлей, брошенной на дужку-крючок. Проволока висела на уровне груди, четко разделяя пространство.

— Странная перегородка, — Ник тронул металл, отозвавшийся тяжелым гулом. — И стул этот в пустом зале... Будто кто-то часами сидел здесь и просто смотрел через эту проволоку внутрь.

Он аккуратно снял петлю с дужки, и проволока с негромким лязгом ударилась о дерево.

Они вошли в саму комнату.

Это была маленькая бетонная коробка, абсолютно нежилая на вид. Единственной мебелью здесь была железная кровать. Её панцирная сетка провисла под тяжестью ржавчины, а на ней лежали серые, сопревшие лохмотья — остатки белья, которое когда-то было застелено, но со временем буквально вросло в металл. Рядом стояла тумбочка, полностью рассыпавшаяся от сырости. Дерево расслоилось, а верхняя панель провалилась внутрь корпуса, превратив мебель в груды гнилых щепок.

— Одна кровать и тумбочка, — Клэр оглядела голые стены с потеками соли. — И этот стул в предбаннике. Здесь больше ничего нет.

Ник подсветил углы фонариком, но луч выхватил только пыль. Он осторожно поворошил носком ботинка труху от тумбочки, но среди щепок было пусто.

— Ни вещей, ни записей, — заключил Ник. — Похоже, в этой пристройке держали кого-то, кто привык к самому минимуму. Пошли отсюда, там вроде еще одна постройка была, глянем ее — и потом в дом.

Ник и Клэр направились ко второй пристройке. Клэр шла медленно, постоянно оглядываясь на пустой двор.

— Слушай, Ник, становится всё страшнее и интереснее. Руан говорила, что сюда туристы катаются смотреть. Но такое чувство, что либо мы первые, кто всё это вскрывает, либо сюда вообще никто не лазил.

Ник остановился у очередной запертой временем двери.

— Почему ты так думаешь?

— Тут всё нетронутое. Разбухшее дерево, пыль в палец толщиной. Если бы туристы сюда заходили, тут бы давно всё перевернули. А так — будто по острову просто гуляли, а внутрь заходить боялись. Неужели никому не было любопытно?

Ник прищурился, разглядывая нетронутые слои грязи на пороге.

— Похоже, местные легенды работают лучше любой охраны. Люди предпочитают смотреть издалека.

Он снова навалился на дверь плечом, готовясь выбить её из закисшего проема.

— Ладно, проверим, что в этой. Надеюсь, там не просто еще одна пустая кровать.

Ник с силой выбил дверь второй пристройки. Внутри их ждал пол, выложенный старым белым кафелем, и пустые металлические стеллажи вдоль стен. Клэр сразу заметила открытый ящик на одной из полок.

— Ник, глянь сюда! Это же те самые ленты.

Она вытащила тугие рулоны синей и зеленой синтетики. На внутренней стороне сохранилась четкая военная маркировка с серийными номерами. Ник перерыл весь ящик, вываливая содержимое на кафель.

— Синие и зеленые на месте. Но белых нет ни одной. Вообще ни одного обрывка.

На соседних стеллажах лежали медицинские инструменты — такие же ржавые зажимы и скальпели, как в подвале, но здесь их было гораздо больше. Рядом валялись обрывки книг и пожелтевшие справочники. Клэр осторожно подняла несколько разбухших томов.

— Книги на английском и немецком, — она перелистывала страницы, стараясь их не порвать. — Медицинские справочники по лекарствам, анатомия. И очень много специфики: эвтаназия, трансплантология. Даты — конец пятидесятих. Смотри, тут даже упоминаются первые опыты по пересадке.

Ник поднял фрагмент немецкой статьи о методах консервации тканей.

— Опять никакой лирики. Ни имен, ни журналов, только голая теория. Но кафель на полу и эти стеллажи... Здесь явно было что-то вроде операционной или лаборатории.

Он подсветил фонариком пол и заметил в центре комнаты массивную крышку погреба.

— Опа, глянь-ка. Еще один люк, — Ник подошел ближе, но открывать не спешил. — Заметим на будущее, но пока лезть не будем. Давай сначала с тем, что наверху, закончим. Ник посмотрел на рулоны маркировочных лент в руках Клэр и на ряды медицинских книг. — Синие и зеленые ленты из военного ведомства и литература о том, как разбирать людей на запчасти. Кажется, туристы правильно делали, что не заходили в эти двери. Пошли к основному дому. Если в пристройках такой трэш, то в главной гостиной нас явно не чай с печеньем ждет.

Ник и Клэр вышли из пристройки. Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая по двору длинные тени. Когда они проходили мимо дерева с белой лентой, Ник внезапно остановился.

— Стой. Посмотри вниз.

Низкое вечернее солнце сейчас подсветило рельеф так, как не подсвечивало днем. Прямо под белым лоскутом отчетливо проступила небольшая кучка земли. В густых тенях заката она стала объемной и сразу бросалась в глаза.

— Когда мы только пришли, я этого вообще не заметил, — Ник присел на корточки.

— Я тоже не видела, — Клэр наклонилась следом. — Свет по-другому падал. Но кучка слишком ровная... Будто здесь что-то специально прикопали именно под этой лентой. Она с сомнением посмотрела на белую синтетику.

— Что думаешь? Раскапывать или ну его? Скоро стемнеет.

Ник помедлил, разглядывая бугорок.

— Если не проверим сейчас, не уснем. Помоги найти какую-нибудь железку. Раскопаем по-быстрому, пока солнце не село, и посмотрим, что там припрятано под этим «белым флагом».

Ник осторожно разрыл бугорок найденным куском арматуры. Спустя минуту железо наткнулось на что-то мягкое. Он откинул пласт земли и замер.

— Это пакет, — Ник начал разгребать грунт руками. — Плотный черный полиэтилен. Современный мусорный пакет. Он никак не мог пролежать здесь с семидесятых.

Он вытянул сверток на поверхность и разрезал пластик. Первым на траву лег разбитый в хлам фотоаппарат. Корпус был раздроблен, будто по нему намеренно били чем-то тяжелым, но внутри всё еще виднелась заправленная кассета с пленкой. Следом Ник достал ВХС-кассету и стопку тетрадей, обмотанных пищевой пленкой.

Клэр взяла одну из тетрадей, быстро пролистывая страницы.

— Это дневник Эвелин. И еще какие-то записи, — она перевела взгляд на Ника. — Почерк тот же, но посмотри на обложку, на качество бумаги. Это не древность. Эту находку закопали здесь явно не в прошлом веке.

Ник повертел в руках кассету, на которой не было ни одной надписи.

— Значит, остров жил своей жизнью гораздо дольше, чем принято считать. Кто-то прятал здесь технику и записи, когда старые лаборатории уже давно стояли в руинах. И этот кто-то выбрал дерево с белой лентой как единственный заметный ориентир.

Он аккуратно сложил находки обратно в пакет.

— Похоже, наше «путешествие в прошлое» только что превратилось в криминальную хронику. Нам нужно где-то посмотреть эту кассету и проявить пленку. Но сперва — дневник. Нужно понять, почему Эвелин решила закопать его именно здесь.

Ник быстро уложил находки в рюкзак. Клэр на мгновение открыла тетрадь, вчитываясь в рабочие записи.

— Ник, это прямое продолжение того дневника, что ты отдал Гаральду. Семьдесят третий год. Смотри, она тут всю подкалывает подругу: «Руан опять видела тень и полночи не спала. Бедняжка так носится со своими призраками, что скоро начнет брать интервью у сквозняков. Я же найду здесь нечто более осязаемое».

Клэр перевернула страницу, где шли наброски будущей статьи.

— Она явно готовила бомбический материал. Пишет, что Ричарду пока рассказывать нельзя — мол, он слишком осторожный и всё испортит. Эвелин была одержима идеей выдать сенсацию, которая заставит читателей забыть, как дышать. Обычные рабочие заметки: как заинтересовать, как подать факты, на чем сделать акцент.

Ник затянул лямки рюкзака, глядя на закат.

— Азартная была женщина. Пока Руан пугалась теней, Эвелин искала козыри. Вот только в итоге её фотоаппарат разбит, а дневник спрятан в яме под деревом.

Ник кивнул в сторону здания.

— Пошли в дом. Посмотрим, что за сенсацию она там выкапывала.

Ник и Клэр зашли в основной дом. Он оказался небольшим: терраса, спальня и кухня. Внутри не было ничего криминального — только застывший быт семейной пары, которая когда-то здесь жила.

Они нашли старые фотографии мужа с женой из каких-то поездок и ворох сгнивших от сырости вещей в шкафах. Никаких новых записей или улик в комнатах не обнаружилось.

— Обычный дом, — Ник осторожно наступил на доску, которая жалобно хрустнула. — Дальше не пойдем. В некоторых местах пол совсем прогнил, не хватало еще провалиться. Он решил не рисковать и не шарить по углам, понимая, что всё самое важное они уже достали из-под дерева. Ник достал телефон и отправил сообщение Томасу, чтобы тот выдвигался за ними. Пора было убираться с острова.

Катер Томаса вынырнул из сгущающихся сумерек, мерно тарахтя мотором. Ник и Клэр уже ждали его на каменистом берегу, поеживаясь от сырого вечернего ветра. Ник крепко держал рюкзак за лямку — сейчас он казался вдвое тяжелее, чем по пути сюда. Шлюпка ткнулась носом в гальку. Том ловко перекинул весла и с любопытством уставился на пассажиров.

— Ну как прогулка, ребятки? — усмехнулся он в усы, помогая Клэр забраться на борт. — Призраки за пятки не хватали?

— Да как-то пусто по факту, — Ник закинул рюкзак на дно лодки и сел рядом. — Разруха одна, пыль глотать. Никакой мистики. Но лес с этими лентами-маркерами впечатлил, конечно. Выглядит диковато.

— Я же говорил, место со странностями, — кивнул Том, отталкиваясь веслом от берега.

— Ладно, прыгайте на борт, погнали на материк, пока совсем не стемнело.

Обратный путь прошел в молчании. Ник то и дело поглядывал на свой рюкзак, а Клэр задумчиво смотрела на темнеющую воду. Когда они пришвартовались в Мортмуте, на улицах уже зажглись редкие фонари.

Свет в окнах дома Руан горел ярко, и старушка, казалось, специально ждала их возвращения, карауля у окна. Едва они подошли к калитке, дверь распахнулась.

— Ну что, живые? — Руан скрестила руки на груди, пытливо вглядываясь в их лица. — Заходите, не стойте на ветру.

В гостиной пахло свежим чаем, но Ник отказался, сославшись на усталость. Он присел на край дивана, поставив рюкзак плотно к ногам.

— Вы были правы, Руан, — Ник устало потер лицо. — Там всё именно так, как вы описывали. Пустой дом, сгнивший причал и этот сад. Мы обошли постройки — внутри валяется старый медицинский хлам, ржавые инструменты. Видимо, ветераны действительно устроили там что-то вроде госпиталя. И ленты эти... синие и зеленые. Висят как новенькие. Специфическое зрелище.

— Вот! А я что говорила! — Руан торжествующе подняла палец. — Эвелин тоже от этих ленточек шарахнулась! А вы всё — «бред, байки». Что-то там нечисто, помяните мое слово.

Клэр кивнула, старательно обходя тему раскопок:

— Да, атмосфера там тяжелая. Мы заглянули в пару пристроек, но пол местами прогнил, дальше лезть не рискнули. Походили по двору и решили, что с нас хватит.

Ник небрежно похлопал по рюкзаку, в котором лежал пакет из-под дерева с белой лентой. Ни словом, ни жестом он не выдал, что они увезли с Сент-Джуда главную тайну.

— Ладно, Руан, спасибо вам еще раз за наводку, — Ник поднялся, закидывая лямку на плечо. — Нам пора ехать. До Лондона пилить прилично, а впечатлений для начала мы и так набрали с лихвой.

Машина вырвалась за пределы Мортмута, и фары выхватили из темноты узкую ленту шоссе, стелющуюся вдоль побережья. Ник откинулся на спинку сиденья, чувствуя, как адреналин постепенно отпускает, оставляя после себя тупую гудящую усталость.

Рюкзак с находками лежал на заднем сиденье, как бомба замедленного действия.

— Слушай, — Ник хмыкнул, не отрывая взгляда от пустой дороги. — Мы с тобой, конечно, гениальные сыщики. Клад мы выкопали, молодцы. А смотреть мы его на чем будем? Это же ВХС-кассета, блин. Где мы сейчас видик найдем? Придется завтра по барахолкам шарить или у Дэна спросить, может, у него в гараже среди хлама завалялся какой-нибудь проигрыватель.

Клэр тихо рассмеялась, потирая уставшие глаза.

— Это точно. С пленкой из фотика та же беда — нужно искать ателье, где еще помнят, как реактивы разводить. А дневник... — она оглянулась на рюкзак в темноте салона. — Давай не будем сейчас в машине с фонариком над ним корпеть. Голова уже вообще не варит. Доедем, выспимся, а завтра или на выходных спокойно сядем и всё прочитаем.

— Согласен, на свежую голову лучше зайдет, — кивнул Ник. — Но у меня другая проблемка из головы не идет. Кто всё-таки этот клад под деревом оставил? Пакет-то

современный. Кассета тоже явно не из семьдесят третьего. Получается, либо сама Эвелин туда возвращалась, пока жива была, либо кто-то сделал это за нее?

Клэр нахмурилась, обдумывая мысль под мерный гул мотора.

— По рассказам Руан, та женщина — жена ветерана — уехала на материк сразу после смерти мужа. Остров официально опустел, больше туда возвращаться было некому.

— А родственники?

— Мы ничего про них не знаем. Были ли они вообще у этих стариков? И даже если были, зачем им закапывать дневник журналистки? — Клэр вздохнула. — Тот, кто это сделал, точно знал систему. Он повесил белую ленту, чтобы выделить тайник среди десятков синих и зеленых. Это не случайность.

— Вот именно, — Ник постучал пальцами по рулю. — Значит, либо Эвелин всё-таки нарушила свое железное правило «ничего не было» и плавала туда втихую много лет спустя, либо у нее был поверенный. Тот, кто точно знал координаты и смысл этого сада.

— Что-то мне подсказывает, что ответы на всё это лежат именно в тех тетрадях на заднем сиденье, — Клэр устало откинула голову на подголовник. — Ужасно интересно, что она там всё-таки написала.

— Узнаем, — Ник переключил передачу, прибавляя скорость. — Лишь бы этот видик, когда мы его найдем, не зажевал нашу главную улику.

Следующее утро началось со стука инструментов и стойкого запаха канифоли. Ник ковырялся в недрах чьего-то убитого системника, пытаясь заставить старую материнскую плату ожить, но мысли упорно возвращались к рюкзаку, надежно спрятанному под верстаком.

В 2010-м VHS-проигрыватель уже уверенно переходил в категорию вымирающих динозавров, но на лондонских окраинах можно было откопать и не такое. Ник вытер руки ветошью, бросил отвертку на стол и направился к соседнему боксу. Там обитал Фред — местный барахольщик, чей гараж напоминал кладбище электроники.

— Фред, выручай, — Ник перешагнул через гору старых мониторов. — Нужен видик.

ВХС-кассетник. Рабочий, чтобы пленку не жевал.

Фред, пузатый мужик с вечно дымящейся сигаретой в зубах, оторвался от разборки какого-то приемника и прищурился.

— Кассетник? Ты что, домашнее видео из восьмидесятых решил пересмотреть? Есть один. Японский, JVC. Зверь-машина. Но я его за копейки не отдам.

Фред побряхтел, порылся под завалами коробок и выудил на свет тяжеленный черный прямоугольник, сдув с него слой вековой пыли.

— Сколько? — Ник полез за бумажником.

— Полтинник.

— Полтинник?! За этот гроб с моторчиком?! — Ник аж поперхнулся. — Фред, ты рехнулся? Ему красная цена пятнашка в базарный день!

— Это раритет, пацан, — Фред любовно похлопал по пластиковому корпусу. — У него головка чистая, я сам спиртом протирал. Плюс, к нему тебе нужны провода. «Тюльпаны» и скарт-переходник, иначе к своему современному телеку ты его хрен подрубишь. А переходник у меня последний, это еще десятка сверху.

Тут начался настоящий бой без правил. Ник торговался так, будто от этого зависела его жизнь. Он припомнил Фреду все его косяки, бесплатную переустановку «Винды» в

прошлом месяце, восстановленные данные с дохлого жесткого диска и старый долг Дэна за какие-то запчасти. Фред упирался, размахивал руками, стряхивал пепел прямо на JVC и клялся всеми богами промзоны, что этот аппарат переживет их обоих.

Перепалка стояла такая, что пара механиков из боксов напротив вышли перекурить и поржать над спектаклем.

— Двадцать фунтов, и я тебе бесплатно ставлю драйвера на тот сканер, с которым ты неделю мудохаешься! — выдал Ник последний аргумент, нависая над столом.

Фред зло сплюнул.

— Двадцать пять. И скарт-переходник забирай, подавись. Но драйвера ставишь сегодня же.

— По рукам, — Ник выхватил из бумажника купюры и сгреб проигрыватель вместе с мотком проводов.

Он тащил этот пыльный ящик обратно в свой гараж, чувствуя себя победителем.

Половина дела была сделана. Фотик он закинет в сервис-центр в обед, благо там работал знакомый мастер, который обещал повозиться с древней пленкой. Оставалось дожидаться вечера, чтобы Клэр вернулась с работы, и загнать чертову кассету в этот трофейный JVC. Ник ввалился в квартиру, приложив тяжеленный JVC на тумбу в прихожей с глухим стуком. Клэр уже была дома, и рюкзак с «посылкой из прошлого» лежал на кухонном столе, дожидаясь своего часа.

— Видик добыт в честном бою, — Ник вытер пот со лба. — Завтра подключим. А пока давай к бумаге.

Они разложили тетради, предварительно очистив их от остатков земли и пленки. Первые страницы шли бодро. Это было прямое продолжение того дневника, что Ник оставил у Гарольда. Те же четкие, уверенные записи 1973 года, рабочие наброски и шпильки в адрес Руан, которая «пугалась каждого сквозняка». Эвелин явно горела идеей выдать сенсацию, от которой у Ричарда и всей редакции отвиснут челюсти.

Она расписывала, как лучше подать факты и на чем сделать акцент, чтобы читатель не мог оторваться. Но чем дальше они листали, тем сильнее менялся почерк.

— Глянь, тут началось, — Клэр пододвинула лампу ближе.

После записи о «белой ленте» и «первом визите в сад» буквы начали ломаться. Ровные строчки поползли вниз, слова стали сливаться в одну неровную нить. Эвелин явно писала это в спешке, возможно, в темноте или в состоянии дикого стресса.

— Тут ни черта не разберешь, — Ник вглядывался в корявые загогулины, пытаясь вычленить хотя бы пару знакомых букв. — «Смотри...» или «Смерть...»? Нет, вообще мимо.

Они крутили тетрадь под разными углами, пробовали читать через лупу, но страница превратилась в сплошной хаос из резких росчерков и оборванных фраз. Будто рука автора дрожала так сильно, что ручка просто царапала бумагу.

— Она будто от кого-то пряталась, когда это строчила, — Клэр провела пальцем по вдавленному следу от пасты. — Это уже не журналистские заметки. Это какой-то поток паники.

Там, где раньше были схемы и планы, теперь зияли пустоты, заполненные непонятными символами и рваными линиями. Ни Ник, со своим опытом разбора корявых технических схем, ни Клэр не смогли расшифровать ни единого предложения на этих последних

страницах. Тайна Сент-Джуда надежно охранялась почерком человека, который только что увидел то, чего видеть не должен был.

Подключение японского динозавра к современному плоскому экрану оказалось тем еще квестом. Ник минут десять воевал с клубком проводов, пока скарт-переходник от Фреда всё-таки не отработал свои десять фунтов. На телевизоре мигнула рябь, а затем экран залило ядовито-синим цветом с прыгающим в углу системным нулем.

— Контакт есть, — Ник сел на пол перед тумбой, скрестив ноги.

Клэр выключила верхний свет, оставив только торшер, и опустилась рядом, обхватив колени руками. Ник осторожно достал черную пластиковую коробку без единой наклейки. Кассета. Она пролежала под землей черт знает сколько времени, и хоть полиэтилен спас ее от гниения, время на магнитную пленку всё равно действовало нещадно.

— Ну, с богом, — Ник отправил кассету в приемник.

Видик жадно лязгнул, заглотив пластик с характерным механическим хрустом. Внутри что-то загудело, закрутилось. Ник нажал «Play».

Экран телевизора дернулся. Синий фон сменился серой снежной бурей, из динамиков ударило оглушительное шипение. По экрану поползли жирные белые полосы трекинга, картинка то сужалась в узкую щель, то прыгала вверх-вниз так, что начинало мутить. На долю секунды сквозь этот визуальный ад пробились какие-то темные силуэты, и изображение снова утонуло в помехах.

— Да чтоб тебя, — Ник ударил по кнопке выброса.

Видик натужно пожужжал и выплюнул кассету обратно.

— Пленка сыпется? — напряглась Клэр.

— Надеюсь, что нет. Пыль намотало, да и натяжка ослабла за столько лет. Сейчас, по-простому решим.

Ник не стал разводить операционную на столе. Он просто отжал боковой стопор, откинул защитную шторку кассеты и аккуратно продул видимый кусок магнитной ленты. Затем сунул большой палец в зубчатое колесо катушки и прокрутил ее на пару оборотов, чтобы натянуть ослабшую пленку.

— Давай, не подведи, — пробормотал Ник и снова загнал кассету в пасть проигрывателя. Механизм лязгнул, принимая носитель. Ник вдавил кнопку воспроизведения и замер, глядя на экран. Серый шум на секунду заполнил стекло, по экрану сверху вниз пробежала широкая полоса помех, а затем звук выровнялся, и картинка наконец-то зацепилась за кадр.

Серый шум на экране наконец уступил место картинке. В углу замигали титры: 14.11.1994. В кадре появилась женщина. Ей было чуть за сорок — тот возраст, когда лицо еще хранит былую свежесть, но взгляд уже приобрел тяжелую, свинцовую мудрость. Густые, темные пряди были небрежно заколоты, пара локонов выбилась, обрамляя лицо с резкими, выразительными чертами. Это была Эвелин Уайт, и она выглядела чертовски живой, хоть и измотанной.

— Клэр, это же та самая гостиняя, — Ник подался вперед, вглядываясь в детали за спиной женщины.

Те же обои с цветочным узором, те же массивные часы, которые он видел в «Доме у ручья». Только на записи всё выглядело новее, ярче.

Эвелин на экране сидела на краю кресла. Каждые несколько секунд она резко вскидывала голову, прислушиваясь к звукам наверху или в коридоре. Ее взгляд метался к двери, словно она ждала, что в любую секунду кто-то может войти и прервать эту запись. Она говорила очень тихо, почти прижимаясь губами к микрофону камеры.

— Меня зовут Эвелин Уайт, — прошептала она, и в ее голосе проскользнула сталь. — Если вы это смотрите, значит, пакет под белой лентой найден. Я не знаю, какой сейчас год и кто вы, но раз вы докопались до правды, вам придется выслушать всё до конца. Она снова обернулась, замерла, вглядываясь в полумрак за объективом, и только убедившись, что в доме тихо, продолжила:

— Я записываю это, потому что молчание все эти годы выжигает меня изнутри. В семьдесят третьем я была молодой душой. Ричард подначивал меня, Руан писала письма про огни в небе и стоны на Сент-Джуде... Я ехала туда за легкой славой. Думала, сделаю материал о «доме с привидениями», о таинственных стариках-ветеранах на заброшенном острове. Обычная крипипаста для газетенки на окраине.

Эвелин горько усмехнулась, качнув головой.

— Я искала призраков, а нашла кое-что похуже. Оказалось, что вся эта мистика — просто ширма. Там не было никакой чертовщины. За всем этим стояла абсолютно реальная, холодная и незаконная дрянь. И я совершила самую большую ошибку в своей жизни — я решила разобраться, что именно там происходит.

Женщина снова вздрогнула от какого-то шороха за кадром и инстинктивно прикрыла объектив ладонью, прежде чем запись на мгновение прервалась.

Изображение на экране снова дернулось, и Эвелин убрала руку от объектива. Она сделала глубокий, дрожащий вдох.

— Когда я приплыла на Сент-Джуд, остров казался абсолютно мертвым. Я бродила по двору, заглядывала в окна, делала наброски в блокнот. Никаких стонов, никаких теней. Обычная заброшка. В обед я устроилась прямо во дворе, чтобы перекусить и дописать статью. И тут... звезды сошлись самым паршивым образом.

Эвелин сглотнула, ее глаза лихорадочно блеснули.

— Та самая старуха, жена ветерана, которая якобы давно уехала на материк... она вернулась. Приплыла тихо, пока я сидела спиной к пристани. Она вернулась, чтобы окончательно зачистить следы их деятельности. Заметив меня, она не стала кричать или бросаться с кулаками. Она просто бесшумно скользнула в дом, взяла старую винтовку и вышла ко мне. Я даже пискнуть не успела, как ствол уткнулся мне в затылок. Она заставила меня подняться, выхватила блокнот. Стояла и читала мои заметки про призраков, и... она просто хихикала. Смеялась надо мной! Она даже не поверила, что я журналистка. Думала, я из полиции, какой-то законник под прикрытием, который приехал ворошить их остров. Она ничего мне не объясняла. Ни зачем она здесь, ни что они делали. Просто смотрела на меня, как на мусор.

Женщина на экране обхватила себя за плечи, словно в комнате резко похолодало.

— Ей было лень самой тащиться за новой меткой. Она сунула мне в руку белую синтетическую ленту и заставила подойти к дереву в саду. Приказала крепко ее привязать. Я делала всё, что она говорила, думала, если буду послушной, она меня

отпустит. Но когда я обернулась... она уже вскинула ружье. Она собиралась меня пристрелить, чтобы не оставлять свидетелей. Просто спустить курок и закопать там же. Эвелин подалась вперед, почти вплотную к камере.

— Но она не выстрелила. Точнее, выстрелила, но винтовка... это старое, ржавое железо... ствол просто разорвало у нее в руках. Детонация была такой силы, что ей разворотило половину руки. Она упала. Крови было столько... Я ничем не смогла ей помочь. Я была перепугана до смерти. Просто стояла, вжавшись в ствол дерева, и смотрела, как она истекает кровью и умирает. Когда всё закончилось, у меня началась паника. Я понимала: если кто-то узнает, что я была здесь во время ее смерти — я сяду. Я дотащила ее тело до обрыва... это было тяжело, господи, как тяжело... и просто сбросила ее в море.

Эвелин открыла глаза. Теперь в них читалась ледяная решимость.

— Я просидела там до самого вечера, боясь пошевелиться. А потом пошла в дом и перевернула всё. Я нашла ее записи. И тогда я поняла, почему она хотела меня убить. Ночью я взяла лопату и пошла в сад. Я раскопала землю под синими лентами. Под каждой из них были перемолотые человеческие кости. Десятки захоронений. Под зелеными лентами было пусто. Я поняла, что если полиция найдет меня здесь, среди этой массовой могилы, с трупом хозяйки в море... я никогда не докажу, что я ни при чем. Меня признают соучастницей. Меня оторвут от мужа, от Гарольда. Я потеряю семью.

— Там, в их округе, откуда писала Руан, Сент-Джуд уже давно считался абсолютно пустым. Никому не было до него дела. И я просто оставила всё там. Свой дневник, свои записи... мне было до одури страшно забирать их с собой. Казалось, если я вывезу хоть клочок бумаги с этого острова, эта кровь и грязь прилипнут ко мне навсегда. Фотоаппарат старуха разбила сразу, как только вышла ко мне. Просто выбила из рук прикладом. На той пленке нет ничего важного — только пустой двор и метеостанция, которые я успела щелкнуть до ее появления. Никаких могил я не фотографировала. Я просто сгрэбла обломки камеры вместе со своими и ее тетрадями в один мусорный пакет и закопала под той самой белой лентой.

Эвелин тяжело вздохнула, собираясь с силами.

— Я не поехала домой сразу. Десять дней я кружила по матерiku, пряталась, ночевала в машине. Я боялась, что меня уже ищут — полиция или те, кто стоял за этой бойней. Я даже не пыталась искать информацию о пропавших, было слишком страшно. А когда вернулась в редакцию, решила молчать. В ее дневниках я прочитала всё. Те люди, что приплывали к ним с открытого моря... это были не просто больные. Старики устроили на острове подпольную бойню. Они занимались незаконной эвтаназией, но это был лишь предлог. Основным бизнесом была черная трансплантология. Они разбирали людей на части, используя свой военный опыт, а остатки перемалывали и хоронили в саду.

Эвелин потянулась к камере, ее рука заметно дрожала.

— Как только у меня будет время, я надежно спрячу эту кассету. Никто не должен этого видеть. Звезды сошлись самым паршивым образом. Я поехала за мистикой, а наткнулась на реальную фабрику смерти...

Внезапно из коридора донесся приглушенный звук открывающейся двери и молодой голос:

— Мам? Ты дома?

Эвелин вздрогнула, ее взгляд метнулся в сторону двери. Она быстро протянула руку к объективу, и изображение окончательно утонуло в ровном, шипящем сером шуме. Шипение телевизора резало по ушам, заполняя гостиную густым, липким шумом. Ник сидел на полу, замерев, и не мигая смотрел на серую рябь экрана. Его пальцы всё ещё лежали на кнопках пульта, побелев от напряжения.

Клэр рядом издала судорожный выдох, словно всё это время забывала дышать. Она подтянула колени к груди и обхватила их руками.

— Выруби это, — хрипло попросила она. — Выруби, Ник, ради бога.

Ник нажал на кнопку. Экран погас, и комната погрузилась в тяжелую, звенящую тишину. Несколько секунд они просто сидели в полумраке, переваривая услышанное.

— Черная трансплантология, — Ник наконец нарушил тишину, его голос дрогнул. — Мы, блядь, выкопали дневники мясников.

Он резко поднялся на ноги и начал нервно мерить шагами комнату, обхватив голову руками.

— Ты понимаешь, во что мы вляпались?! Мы поперлись на этот сраный остров из-за записки про какую-то Рони! Я думал, мы там старые сплетни найдем! А мы раскопали массовое захоронение!

Клэр не отрывала взгляда от кухонного стола, где лежал рюкзак.

— Ник... Эвелин сказала, что там перемолотые кости. Десятки могил. Под каждой синей лентой.

Ее передернуло, лицо побледнело.

— Мы ходили по ним. Мы стояли там, у этого дерева. А потом притащили это... — она дрожащей рукой указала на рюкзак, — в наш дом. Полиэтиленовый пакет с доказательствами массовых убийств и расчлененки.

Ник подошел к столу и одним резким движением вытряхнул содержимое пакета. На светлую столешницу упали обмотанные пожелтевшей пищевой пленкой тетради.

Дневники старухи. Журнал учета их подпольной бойни.

— Ник, не надо, — Клэр медленно поднялась с пола, останавливаясь в шаге от стола. — Не открывай их.

— Клэр...

— Выкинь это! Сожги! Давай просто отнесем всё на свалку и забудем, как страшный сон!

— ее голос сорвался. — Эвелин сломала себе жизнь из-за того, что просто заглянула в эти тетради. Она двадцать лет тряслась в собственном доме. Мы просто два идиота, которые нашли чужой мусор. Если мы это откроем, мы станем соучастниками.

Ник навис над столом, опираясь на него обеими руками. Его взгляд был намертво прикован к обложкам. Адреналин бил по вискам, мешая страх с больным, неконтролируемым интересом.

— Если мы их сожжем, мы до конца жизни будем шарахаться от каждой тени, гадая, что там было и не вылезет ли оно наружу, — сухо произнес Ник. — А если притащим в полицию — нас закроют в камере и вывернут наизнанку. Мы уже залезли по самые уши. Нам нужно знать, что именно мы держим в руках. Насколько всё плохо.

Он повернулся к Клэр, его глаза горели мрачной решимостью.

— Мы только посмотрим. Оценим масштаб пиздеца. А потом я упакую всё это обратно и отвезу Ричарду.

Клэр недоверчиво моргнула.

— Ричарду?

— Да, — Ник кивнул, его голос стал жестче. — Я обещал Гарольду и Ричарду выяснить, что случилось с их Эвелин в семьдесят третьем? Я выяснил. Ричард хотел ответов? Отлично. Пусть старый газетчик получает наследство своей подруги. Я отдам ему эти тетради, пленки, кассету, и пусть он сам решает, что с этим делать. Нести в Скотланд-Ярд, писать сенсацию века или сжигать у себя в камине. Это их история. Не наша. Моя работа тут закончена.

Ник глубоко вдохнул и подцепил край полиэтилена. Пленка с мерзким, сухим треском порвалась. Тетради старухи легли перед ними, открытые для чтения.

Ник перевернул хрупкую, пожелтевшую страницу. В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как шуршит сухая бумага и тяжело, с присвистом дышит Клэр.

Они сидели над тетрадями уже около часа. Это оказался не просто журнал учета. Это была исповедь, методичка и военный дневник, сплавленные в один большой манифест. Мюриэль — так звали старуху — писала рублеными, жесткими фразами, от которых веяло холодом, кровью и африканским песком.

— Тунис, сорок третий год... — глухо прочитал Ник, водя пальцем по неровным строчкам.

— Они были в эвакуационной группе пехоты. Вытаскивали раненых прямо из-под обстрела. Она пишет: «Мы грузили стонущее мясо в разбитые грузовики... Если бойцу разворотило живот, ты не ждешь хирурга. Ты решаешь вопрос здесь и сейчас».

Клэр закрыла рот рукой, её глаза лихорадочно блеснули в полумраке кухни.

— Они притащили войну с собой, — прошептала она. — Для них она никогда не заканчивалась.

Ник перелистнул страницу. Его лицо стало серым, когда он вчитался в следующую главу.

— «Синие»... Господи Иисусе. Клэр, «синие» — это были тяжелобольные. Те, кто сам искал смерти. Старики брали с их семей деньги за эвтаназию и изъятие органов, чтобы содержать остров и покупать медикаменты. Муж Мюриэль сначала сопротивлялся, они грызлись до хрипоты, но она убедила его. Для неё это было... милосердием пехоты. Не дать человеку медленно гнить в мирном Лондоне.

— А зеленые? — Клэр сглотнула подступивший к горлу ком. — Эвелин на записи говорила, что под зелеными лентами не было костей. Кто такие «зеленые»?

Ник быстро пробежал глазами текст, и его пальцы судорожно сжали края тетради. Он поднял на Клэр взгляд, в котором плескался чистый, животный ужас.

— Это были самоубийцы. Физически здоровые люди, которые просто хотели сдохнуть от депрессии. Мюриэль пишет про какого-то Артура, которого они сначала выгнали с острова, а он потом вскрыл вены дома. Это взбесило её. Она решила, что его смерть была «грязной». И тогда они придумали... «Сад Смерти».

Ник сглотнул вязкую слюну и зачитал вслух, его голос предательски дрожал:

— «Мы выстроили пристройку с проволокой. Армированная стальная нить на уровне груди — как ограждение на поле боя».

Клэр судорожно выдохнула и отшатнулась от стола, едва не опрокинув стул.

— Пристройка... Ник, мы же там были! Мы видели эту проволоку в бетоне! Я еще подумала, что это похоже на какой-то странный загон!

— Это был не загон, — Ника затрясло. — Это был зрительный зал.

Он снова опустил глаза в дневник, словно слова на бумаге жгли его.

— Муж Мюриэль хотел, чтобы обреченные могли попрощаться. А она поила «синих» особым чаем. «Милосердный чай». Она не говорила им, когда они умрут, чтобы они не плакали и не ломали ей «чистоту момента». Они просто пили чай и засыпали навсегда. А за проволокой... за проволокой в это время сидел «зеленый» самоубийца на стуле. И смотрел. Всю ночь. Смотрел, как умирает человек, который отдал бы всё на свете за его здоровое тело. Мюриэль не давала им подходить или мешать. Это была её «пехотная школа».

Клэр обхватила себя руками, её бил крупный озноб. Картина этой извращенной, садистской терапии вставала перед глазами с тошнотворной ясностью. Холодный бетон, натянутая стальная нить и двое людей — один засыпает, не зная, что это конец, а второй насильно смотрит в лицо настоящей, безмолвной смерти.

— А утром... — Ник перевернул последний лист, дочитывая финал. — Утром выживший «зеленый» получал лопату. Мюриэль говорила ему: «Иди в сад. Твой сосед освободил место. Сажай дерево и вяжи ленту». Зеленая лента была их медалью за то, что они выбрали жизнь. Синяя — памятником «тайному милосердию» ветеранов.

Тетрадь с глухим стуком упала на стол.

Ник и Клэр смотрели друг на друга, осознавая всю чудовищную, вывернутую наизнанку логику Сент-Джуда. Это была не просто фабрика мясников наживы ради. Это было изощренное чистилище, созданное двумя сломанными войной людьми, которые возомнили себя богами. И они — Ник и Клэр — принесли этот концентрат чистого безумия прямо в свой дом.

Ник стоял над столом, тяжело опираясь на столешницу. Паника, бившая по вискам минуту назад, вдруг сменилась ледяной, звенящей ясностью.

— Тот хлыщ из Брайтона, — хрипло произнес он, глядя в стену. — Он тут ни при чем. Он просто купил старую коллекцию газет, чтобы поставить на полку. Он понятия не имеет про остров или про то, что за этой историей стоит. Никто не знает, Клэр. За нами не придут. Клэр прерывисто выдохнула, оседая на стул:

— Слава богу...

— Слава богу?! — Ник резко обернулся, его глаза лихорадочно блестели. — Клэр, у нас на столе вещдоки с фабрики смерти! Мы сидим в одной комнате с черной бухгалтерией двух мясников-психопатов! Я не оставляю это в своем доме до завтрашнего вечера.

Он метнулся к куртке, валяющейся на диване, и выудил из кармана мобильник. Часы на экране показывали начало второго ночи. Ник, не раздумывая, выбрал номер и нажал на вызов. Гудки тянулись бесконечно долго, прежде чем на том конце раздался глухой, заспанный голос Гарольда.

— Алло?... Ник? Ты вообще время видел?

— Гарольд. Извини, что бужу, — Ник изо всех сил пытался говорить ровно, но его голос срывался на каждом слове, вибрируя от неконтролируемого шока. Дыхание было частым и поверхностным, словно он задышался. — Мне срочно нужен Ричард.

Сонливость на том конце провода как рукой сняло.

— Срочно? Посреди ночи? Ник, что случилось, ёпта? Ты в порядке? Что за паника?

— Ничего... Ничего не случилось, — Ник судорожно сглотнул, не отрывая взгляда от лежащих под светом кухонной лампы тетрадей. — Просто... мне нужно с ним кое-что обсудить. Прямо сейчас. Нужно, чтобы он кое-что вспомнил... одну деталь из семьдесят третьего года. Вы можете приехать к нам? Или давай я сам примчусь, куда скажете. В трубке повисла тяжелая, тревожная пауза. Гарольд не был дураком — он прекрасно слышал этот надрывный, стеклянный тон человека, который только что заглянул в бездну. Отговорка про «просто обсудить деталь» звучала жалко.

— Ник, я не стану дергать старика с постели в два часа ночи, у него сердце, — напряженно, но твердо ответил Гарольд. — Давай так. Жди нас рано утром. К восьми мы приедем к тебе в гараж. И ради бога, налей себе чего-нибудь крепкого. Ты звучишь так, будто труп расчлененный нашел.

Ник издал нервный, больной смешок, от которого Клэр поежилась.

— Понял. К восьми. Жду.

Он сбросил вызов и бросил телефон на стол, рядом с дневниками Мюриэль. До рассвета оставалось шесть часов, и спать в эту ночь в этой квартире не собирался никто.

Ровно в восемь утра к приоткрытым воротам гаража подкатил универсал Гарольда.

Хлопнули двери. Ник и Клэр ждали их внутри, сидя на складных стульях у импровизированного стола из деревянного поддона, на котором лежали рюкзак, кассета и обмотанные новой пленкой дневники Мюриэль. Оба выглядели так, будто всю ночь разгружали вагоны — серые лица, красные от недосыпа глаза.

Гарольд зашел первым, поддерживая Ричарда под локоть. Старик тяжело дышал, опираясь на трость, но взгляд его был острым и цепким.

— Ну, мы на месте, — Гарольд окинул взглядом мрачные лица хозяев. — Выглядите вы паршиво, ребята. Что стряслось-то?

Ник поднялся со стула, нервно вытирая ладони о джинсы.

— Гарольд. Сделай одолжение. Пойди погуляй минут десять на улице. Попей кофе, покури. Мне нужно поговорить с Ричардом один на один.

Гарольд замер, его брови поползли вверх, а лицо мгновенно пошло красными пятнами.

— Обалдеть. Ты серьезно? Я срываюсь посреди ночи, тащу сюда старика по первой же просьбе, а ты выставляешь меня за дверь? Ник, ты берега не попутал? Мы вроде договаривались вместе всё выяснить!

— Гарольд, тормози, — Ник шагнул вперед и жестко, но без агрессии положил руку ему на плечо. — Я прошу тебя как друга. Поверь, тебе сейчас лучше выйти. Это касается только Ричарда. Десять минут. Пожалуйста.

Гарольд переводил злой, непонимающий взгляд с Ника на Клэр, которая молча смотрела в пол. Затем он посмотрел на Ричарда. Старый журналист нахмурился, тяжело оперся на трость и кивнул:

— Иди, сынок. Подожди в машине. Я разберусь.

Гарольд зло сплюнул, развернулся и вышел, с силой хлопнув железной калиткой ворот.

Ричард медленно подошел к столу и опустился на свободный стул, не сводя глаз с Ника.

— Ну? Чего ты его выгнал? Что за секреты от семьи?

Ник сел напротив. Он не стал ходить вокруг да около.

— Ричард, мы нашли тайник Эвелин. Под той самой белой лентой. Там был ее дневник, кассета с видеозаписью из девяносто четвертого и... еще кое-что.

Ник коротко, сухо, без эмоций вывалил на старика всё. Про старуху с ружьем. Про смерть от детонации. Про ночные раскопки в саду. И про то, что было в дневниках Мюриэль.

Черная трансплантология. Загон с проволокой. Милосердный чай.

С каждым словом Ника старый газетчик всё глубже оседал в кресле. Его лицо, и без того испещренное морщинами, казалось, постарело еще на десять лет. Когда Ник закончил, в гараже повисла мертвая тишина, прерываемая только гудением старого холодильника в углу.

Ричард сидел с закрытыми глазами. Его губы беззвучно шевелились, а руки, сжимавшие набалдашник трости, тряслись.

— Пиздец... — наконец выдохнул он надтреснутым, сиплым голосом. — Господи боже мой. Бедная моя девочка. Бедная Эвелин. Двадцать лет... она носила всю эту гниль в себе двадцать лет. Одна. Боялась за семью, тряслась от каждого шороха. А я... я, старый дурак, еще подшучивал над ней, что она бросила писать!

По щеке Ричарда скатилась одинокая скупая слеза. Он не стал ее вытирать.

— Ричард, послушайте меня, — Ник придвинул к старику стопку тетрадей и кассету. — Мы не копы. Мы не репортеры. Мы обычные гаражные техники. Если бы не мое ебаное любопытство и не тот архив, который мы сдуру продали брайтонскому коллекционеру, мы бы никогда не встретились и не докопались бы до этого. Но мы залезли туда.

Ник тяжело вздохнул, чувствуя, как с плеч спадает огромная, давящая тяжесть.

— Я обещал Гарольду и вам узнать, что произошло с Эвелин в семьдесят третьем. Я выполнил обещание. Вот доказательства. Но что с этим делать дальше — решать вам.

Мы с Клэр умываем руки. Вы можете отнести это в полицию, можете написать свою последнюю великую статью, а можете сжечь прямо здесь, в железной бочке. Мы вас поддержим в любом решении и больше никогда об этом не вспомним.

Ричард медленно открыл глаза и посмотрел на дневники мясников, лежащие перед ним.

— И еще одно, — тихо добавил Ник. — Гарольду об этом знать не нужно.

Ричард вскинул на него удивленный взгляд.

— Вы сами понимаете почему, — жестко отрезал Ник. — Если он узнает правду... если поймет, через какой ад прошла его мать в одиночестве, он сожрет себя заживо. И отца своего обвинит, что тот жил с ней в одном доме и ни хрена не заметил, как ее ломает изнутри. Оставьте ему образ мамы-журналистки, которая просто испугалась жуткой заброшки. Это меньшее, что мы можем для него сделать.

Ричард долго молчал, не сводя тяжелого взгляда с тетрадей. Затем он медленно кивнул, потер лоб дрожащей рукой и с шумом выдохнул.

— В чем-то ты прав, парень. Если Гарольд узнает про... мясорубку и эту проволоку, он сойдет с ума. Он не простит ни себя, ни отца за то, что они не спасли её от этого кошмара. Но и врать ему в лицо я не стану. Он должен знать, что его мать не была трусихой. Что у неё была реальная, осязаемая причина прятаться.

Старик тяжело оперся на трость и выпрямился, насколько позволяла больная спина.

— А с этими бумагами... — он брезгливо, но решительно похлопал ладонью по стопке дневников, — я разберусь. У меня остались должники в Скотланд-Ярде и пара бульдогов

в старых редакциях, которые умеют работать с анонимными сливами. Я сделаю так, чтобы эти ублюдки-заказчики не спали спокойно. Двадцать лет Эвелин гнила заживо в своем страхе, и вы с Клэр не для того лезли в эту грязь, чтобы я сейчас всё это просто сжег. Никто не уйдет чистым.

Ричард полез во внутренний карман твидового пиджака, достал пухлый бумажник и вытащил оттуда солидную пачку фунтов. Он положил деньги на стол перед Ником.

— Это не обсуждается, — жестко пресек он попытку Ника отказаться. — Вы проделали чертову работу. Вы нашли то, что я искал полжизни. Это оплата ваших трудов, издержек на катера, видики и прочее дерьмо. И за ваше молчание. А теперь зови Гарольда.

Ник кивнул, сгреб деньги со стола и подошел к воротам. Гарольд нервно курил у своей машины, пиная мелкую щебенку. Увидев отмашку Ника, он бросил окуроч и быстрым шагом вернулся в гараж. Его взгляд сразу упал на стол, где лежали старые тетради и кассета, а потом перешел на бледное лицо Ричарда.

— Ну? — Гарольд скрестил руки на груди, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Что там, черт возьми, такого, о чем мне нельзя было слушать?

Ричард жестом указал ему на стул.

— Сядь, сынок. И выслушай меня внимательно.

Гарольд неохотно опустился на скрипнувший пластик.

— Ник нашел тайник твоей матери, — голос Ричарда звучал ровно, по-отечески мягко, но с той долей серьезности, которая не допускала сомнений. — Эвелин действительно докопалась до правды на Сент-Джуде. И правда оказалась грязной. Там не было призраков. Эти старики, ветераны... они устроили на острове подпольный хоспис. Незаконную клинику эвтаназии для тех, от кого отказались врачи на материке.

Гарольд ошарашенно моргнул.

— Эвтаназия? На пустом острове?

— Да. За большие деньги они тихо избавляли людей от страданий. Когда твоя мать приплыла туда и начала всё вынюхивать, хозяйка острова застала её врасплох. Она угрожала Эвелин ружьем, хотела её убить, чтобы защитить свой бизнес. Но ружье было старым. Произошла осечка, ствол разорвало. Старуха погибла на месте, прямо на глазах у твоей матери.

В гараже повисла тишина. Гарольд сидел, приоткрыв рот, пытаясь осознать масштаб трагедии.

— Эвелин была в шоке, — продолжил Ричард, и в его голосе промелькнула неподдельная боль. — Она понимала, что если полиция найдет её на острове рядом с трупом и нелегальной клиникой, полной мертвецов, её обвинят в убийстве и соучастии. Её бы посадили, Гарольд. Она бы потеряла тебя и твоего отца. Поэтому она закопала свои записи и сбежала. И молчала все эти годы, чтобы защитить вас. Она боялась, что однажды за ней придут либо копы, либо те, кто пользовался услугами этого острова. Гарольд закрыл лицо руками. Его плечи дрогнули.

— Господи... Мама... — глухо выдавил он сквозь пальцы. — Она же... она всё это время жила с этим. Одна. И даже папе не могла рассказать.

— Она была сильной женщиной, Гарольд. Самой сильной из всех, кого я знал, — Ричард положил свою тяжелую, морщинистую руку ему на плечо. — Она пожертвовала своей

карьерой и своим покоем ради вашей семьи. Теперь ты знаешь правду. И теперь она наконец-то может спать спокойно.

Ричард посмотрел поверх головы плачущего Гарольда на Ника и Клэр. В его глазах читалась мрачная благодарность за то, что самую черную, невыносимую часть этой правды они навсегда похоронили между собой.

Гарольд тяжело выдохнул, утирая лицо рукавом куртки. Его плечи всё еще подрагивали, но самое страшное было позади — он получил ответы, которые так долго висели над их семьей тяжелой тучей. Ричард похлопал его по спине и медленно поднялся, опираясь на свою трость.

Старик перевел взгляд на Ника, а затем внимательно посмотрел на Клэр, которая всё это время тихо стояла у верстака, не вмешиваясь в семейный разговор. В глазах Ричарда мелькнула теплая, почти хулиганская искра, словно он решил, что мрака на сегодня достаточно.

— Ну что ж... — Ричард хмыкнул, поправляя воротник пиджака. — В качестве благодарности могу сказать одно: кажется, наша странная семейка сегодня официально расширилась.

Он кивнул в сторону Клэр и прищурился:

— А это, позвольте спросить, что за прекрасная барышня? Тоже гаражный детектив?

Ник, почувствовав, как свинцовое напряжение наконец-то отпускает комнату, не сдержал нервной, но искренней улыбки. Он подошел к Клэр и приобнял ее за плечи.

— Не-не, Ричард, даже не думайте! — Ник рассмеялся, подняв свободную руку в защитном жесте. — В погреб я её от вас прятать, конечно, не буду, но и статьи для ваших газет она писать точно не станет! Хватит с нас журналистики на сегодня.

Гарольд, услышав отсылку к старой отцовской шутке про прятки от напористого редактора, издал короткий смешок, шмыгнув носом. Ричард тоже позволил себе широкую, усталую улыбку.

— Жаль, — Ричард картинно вздохнул, стукнув тростью по бетонному полу. — С таким-то талантом раскапывать дерьмо вы бы сделали мне отличный тираж. Ладно, молодежь. Хватайте свои инструменты, а мы с Гарольдом поедem. Эту макулатуру я забираю, у нас впереди еще много дел.

Ричард аккуратно сгреб дневники Мюриэль и кассету в свой кожаный портфель. Ник шагнул вперед, и они пожали друг другу руки — крепко, без лишних слов. Как люди, которых навсегда связала одна тяжелая, но общая тайна. Гарольд кивнул Нику и Клэр на прощание, и вскоре универсал выехал со двора, оставив гараж в привычной, теперь уже спокойной утренней тишине.

Прошло три месяца. Эффект от разорвавшейся «бумажной бомбы» превзошел даже самые смелые ожидания. Старый газетчик не подвел: Ричард разыграл свою партию как по нотам, слив выдержки из дневников Мюриэль в **The Guardian**, а полные копии черной бухгалтерии отправив напрямую правительственным ищeyкам.

Утренние выпуски новостей и передовицы газет теперь напоминали сводки из зоны боевых действий. Сент-Джуд перестал быть безымянной заброшкой на краю карты — пресса окрестила его «Островом Мясников».

Изначально анонимный слив лег на стол детективам Скотланд-Ярда. Они бодро взялись за дело, но как только из тетрадей старухи начали всплывать фамилии заказчиков, названия частных клиник на материке и логистика поставок органов, дело у Ярда жестко отжали. Уровень оказался слишком высоким для городской полиции. За расследование взялось СОКА — Управление по борьбе с серьезной организованной преступностью. Следователей Ярда отодвинули на задний план, оставив их на побегушках и доверив разве что оцепление побережья.

На самом Сент-Джуде сейчас творилось нечто невообразимое. Остров кишел криминалистами в белых защитных комбинезонах. Территория была огорожена сотнями метров желтой ленты, а люди с лопатами и специальным оборудованием методично вскрывали грунт. Сад Смерти отдавал свои тайны. Никаких «сотен» трупов, как кричали бы желтые газетенки, там не было, но эксперты поднимали из земли перемолотые останки тридцати-сорока человек. Каждая синяя лента в саду нашла своего мертвеца.

Аресты гремели по всей Великобритании. Брали тех, кто еще остался в живых. В наручниках выводили из богатых домов респектабельных стариков — родственников, которые в семидесятых отстегивали огромные деньги за эвтаназию, закрывая глаза на то, куда исчезают тела. Задерживали бывших логистов и врачей. За жопу взяли даже бывшего патрульного береговой охраны, который годами брал взятки за то, что в упор не замечал неопознанные катера. Вскрылась капитальная сеть, где старики-ветераны были лишь исполнителями.

Железные ворота гаража со скрипом поползли вверх, впуская внутрь утреннюю лондонскую сырость. Дэн ввалился внутрь, на ходу стряхивая капли дождя с куртки, и лениво потянулся к кулеру с водой.

Ник сидел за своим верстаком. В руках у него был свежий выпуск The Guardian с кричащим заголовком «Остров Мясников» и фотографией перекопанного Сент-Джуда.

Дождавшись, пока Дэн сделает глоток, Ник с ухмылкой швырнул газету ему на стол.

— Зацени, бизнесмен, — Ник кивнул на передовицу. — Смотри, что мы с тобой, оказывается, откопали в том боксе.

Дэн взял газету, лениво пробежался глазами по заголовку, потом посмотрел на фото острова. Его брови медленно поползли вверх.

— Да ладно... — Дэн поперхнулся водой. — Это же... Это тот самый остров из бумажек Эвелин? Тот, про который она байки писала?!

— Ага, — Ник с удовольствием откинулся на спинку стула, заложив руки за голову. —

Только это ни хрена не байки оказались. Там реальная бойня была. Так что тот брайтонский коллекционер купил у тебя за две с половиной штуки предысторию к самому громкому уголовному делу десятилетия. Представляю, как он сейчас кипятком пишет от радости, читая утренние новости. Его коллекция теперь стоит в разы дороже.

Дэн стоял с открытым ртом, переводя ошарашенный взгляд с текста про нелегальную трансплантологию на довольное лицо Ника.

— Охренеть можно... — только и смог выдать Дэн, растерянно почесывая затылок. — А мы-то думали, это просто старая крипипаста. Вот тебе и макулатура за шестьсот фунтов... Ник рассмеялся, поднялся с места и хлопнул напарника по плечу.

— Ладно, расслабься, Индиана Джонс. Считай, мы с тобой прикоснулись к великому, да еще и в плюсе остались. А теперь давай, бери ключи, у нас там «Форд» на подъемнике своей очереди ждет.

Ник направился к машине, чувствуя, как внутри окончательно рассеивается последнее напряжение. История Сент-Джуда была закрыта.

Ричард медленно подходит к столу, на котором разложены бумаги, и проводит рукой по старой кожаной папке.

— Знаешь, Гарольд... Теперь, когда я перечитал её заявление об увольнении из «Вестника», всё встало на свои места. Она ведь тогда в графе «причина» написала: «В связи с изменением контекста реальности». Я тогда решил — ну, Эвелин в своем репертуаре, опять её творческие метафоры, кризис... А она, оказывается, писала чистую правду. Просто это была та правда, которую нельзя было сказать вслух.

Гарольд поднимет глаза от квитанций.

— Ричард, я всё никак не пойму эти чеки. Какие-то странные аббревиатуры, символы... В них нет логики. Куда она отправляла деньги?

Ричард садится напротив.

— Это старый шифр нашего «Вестника», Гарольд. Мы так метили темы, за которые могли погнать из профессии. Твоя мать не просто переводила суммы — она тайно спонсировала Красный Крест и узкий круг врачей, которые закупали оборудование для достойного ухода. Она хотела, чтобы у людей была возможность тихой эвтаназии в нормальных клиниках, а не в тех бетонных загонах с проволокой, которые она видела на Сент-Джуде. Это было её искупление.

— Но почему молчать тридцать семь лет? Почему не полиция, не суд?

Ричард тяжело опирается на трость.

— Гарольд, ты не понимаешь, под каким прессом она была. На тот момент действовал Закон об убийстве 1957 года (Homicide Act 1957). Даже если бы она пришла и честно рассказала про взорвавшееся ружье... Даже если бы баллистики доказали, что старая Мюриэль погибла от собственной неосторожности — это бы её не спасло.

Ричард понижает голос до шепота.

— И не забывай, Гарольд: Сент-Джуд — это уже была британская земля, а не международные воды. Там действовали законы короны во всей их суровости. Баба владела этим островом, это была её частная территория. Закон первым делом спросил бы: «Что вы там делали, мисс Уайт?». И стоило бы им найти там хоть одну кость — а их там десятки под каждой лентой — всё, конец. Ей бы пришили соучастие в деятельности этой «фабрики смерти». По Закону о самоубийстве 1961 года (Suicide Act 1961) за пособничество в эвтаназии тогда давали до 14 лет тюрьмы.

Ричард делает жесткую паузу.

— Твоя мать постаралась на совесть: тело хозяйки либо унесло течением, либо рыбки съели. Но доказать самооборону, находясь на закрытом объекте незаконно, было нереально. Она понимала: заговори она тогда — её бы закрыли по первой категории, и за эвтаназию, и за убийство. Она потеряла бы тебя, отца, всё. Она молчала, чтобы вы могли просто жить.

Гарольд закрывает глаза, сминая в пальцах квитанцию.

— Значит, она выбрала молчание ради нас...

Ричард кладет руку ему на плечо.

— Она несла этот груз в одиночку всю жизнь. Но теперь этот архив у нас. Ублюдки, которые это заказывали, больше не спрячутся за давностью лет. А твоя мама... она наконец-то свободна.

Ричард медленно встает, забирает портфель и выходит. Гарольд остается сидеть в залитой солнцем гостиной, впервые по-настоящему понимая, кем была его мать.

Изменение контекста реальности

14 ноября.

Эвелин сидела перед видеокамерой, глядя прямо в объектив. Она говорила быстро, пытаясь уложить в отведенное время всю тяжесть Сент-Джуда — каждое слово, каждый крик чаек и лязг стальной проволоки.

— Мам? Ты дома? — звонкий голос Гарольда, раздавшийся из прихожей, ударил по нервам как хлыст.

За окном стоял разгар дня, и солнечный свет, заливавший комнату, резко контрастировал с тем ледяным ужасом, о котором она только что шептала в микрофон. Эвелин замерла, её лицо исказилось от паники. Она не отозвалась, боясь, что голос на записи выдаст её страх. Вместо этого она в панике бросилась к штативу, лихорадочно пытаясь нащупать кнопку выключения. Камера качнулась, запечатлев её дрожащие руки и испуганный взгляд крупным планом, прежде чем индикатор записи наконец погас.

— Мам? Ты чего тут? — Гарольд заглянул в комнату, щурясь от яркого света лампы, направленного на её пустое кресло.

Эвелин резко отошла от штатива, пытаясь унять дыхание, и натянуто улыбнулась, разыгрывая спектакль на ходу.

— Да вот, решила попробовать себя в новом формате. Думала, может, на ТВ что-нибудь записать, в разговорном виде... Но техника, кажется, против меня. Убила три кассеты, а толку ноль. Ни картинки, ни звука нормального.

Гарольд усмехнулся и оперся о косяк двери.

— О, наша любимая сказочница решила вернуться в строй? Что, мам, опять детские сказки про эльфов и пропавшие острова? Решила экраны покорять? — он добродушно подколот её, явно не замечая, как бешено колотится её сердце.

— Вроде того, — Эвелин дрожащими руками выщелкнула кассету из камеры. — Но, видимо, не сегодня. Черт возьми, кассета бракованная, вообще ничего не пишет. Только время зря потратила.

Она встала и, проходя мимо сына, демонстративно швырнула кассету в мусорное ведро у входа.

— Да ладно тебе, не расстраивайся, — Гарольд похлопал её по плечу. — Слушай, я чего зашел: мы с друзьями на выходные уедем за город. Пару дней нас не будет, ты тут не скучай со своим «кино». Вернусь в понедельник, проверим твой голливудский потенциал.

— Хорошо, милый. Повеселись там, — она проводила его взглядом до самой двери.

Как только звук мотора его машины стих вдаль, Эвелин вернулась к ведру. Она достала кассету, бережно обтерла её краем плаща и спрятала в карман. Это не была сказка. Это был её единственный шанс оставить реальный контекст.

На следующий день, когда дом окончательно опустел, Эвелин выехала к старой заначке. Под покровом серого осеннего неба она выкопала из земли свой фотоаппарат и первые записи. К ним добавились дневники Мюриэль — леденящий душу учет смертей и боли. Она перепаковала всё в плотный мусорный пакет, добавила туда ту самую видеокассету и закопала сверток обратно.

Грунт лег на место, скрывая правду, которая теперь была надежно спрятана под британской землей, а не в зыбких международных водах. Эвелин выпрямилась, глядя на пустую дорогу. Изменение контекста реальности началось именно здесь.

Интерлюдия: Посадка

Мюриэль встретила гостей на пороге. Был разгар дня; солнечный свет заливал террасу, где старуха, играя роль радушной хозяйки, уже накрыла стол к ланчу. Она вежливо предложила чай и попросила родственника парня показать медицинскую карту. Пациенту было чуть за двадцать, но в его глазах застыла та неизлечимая пустота, которую не способно заполнить ни одно лекарство на материке. Мюриэль долго изучала бумаги, сочувственно кивая, пока парень ел свой последний обед и пил «чай милосердия» прямо здесь, на свежем воздухе.

Второй гость — молодой самоубийца — сидел рядом. Из разговоров за столом стало ясно, что с родственником пациента они едва знакомы: случайные попутчики, чьи интересы и время поездки на остров совпали. Мюриэль поддерживала легкую беседу, пока трапеза не была закончена.

Когда зелье начало действовать, она мягко проводила пациента в аннекс, обещав покой. Внутри было уютно, но вместо двери в проеме, ведущем во внутреннюю комнату к кровати, была натянута тонкая проволока. Мюриэль дождалась, пока парень уснет, и вышла к остальным.

Маска радушия сползла. Взяв старое двуствольное ружье, она загнала самоубийцу в переднюю той же пристройки и наглухо заперла за ним входную дверь.

— Пересечешь эту линию — пристрелю лично, — прозвучал её голос из-за двери. — Попробуешь снять проволоку или пролезть под ней — всажу заряд в голову. Я сама открою, когда придет время.

Самоубийца остался заперт в холле. Около полутора часов он в оцепенении наблюдал через проволоку в дверном косяке, как в соседней комнате тихо угасает жизнь человека, который отдал бы всё за его здоровое тело. Это была её «пехотная школа»: заставить того, кто ищет смерти, смотреть ей в лицо по-настоящему.

Когда Мюриэль вернулась и отперла дверь, она первым делом проверила «синего» пациента. Тот был мертв. Убедившись в этом, она повернулась к дрожащему гостю и сунула ему в руки лопату.

— Ну что, видел смерть? Понравилась?

— Нет... — пролепетал он.

— Хочешь подохнуть?

— Нет! Не хочу!

— Тогда копай.

Под дулом ружья, на глазах у онемевшего родственника, парень вырыл яму в саду. Мюриэль заставила его бросить на дно личную ценную вещь, а затем своими руками посадить дерево на месте, которое освободил мертвец.

— Вяжи ленту, — приказала она, протягивая ярко-зеленый лоскут. — Крепко вяжи. Чтобы каждый узел помнил, как ты сегодня передумал.

Как только зеленая лента была затянута, Мюриэль яростным матом выставила парня с острова. Когда лодка скрылась, она подошла к родственнику покойного, который всё это время не решался подойти к телу.

— Извини за это, — сухо бросила она, опуская ружье. — Тут был совсем другой случай. Теперь иди. Забирай его.